

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет филологии и искусств
Кафедра общего языкознания

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ФОРМ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале книги Сандры Калниете
«Ar balles kurpēm Sibīrijas sniegos»)**

Дипломная работа

студентки V курса
отделения баллистики
Аллы Львовны Рабинович

Научный руководитель
ст. преп. А. Д. Даугавет

«___» _____ 200__ г.

Санкт-Петербург, 2009

Содержание

Содержание	2
Введение	4
Источники работы	6
Понятие референции и категория определённости	7
Категория определённости в балтийских языках	8
Две парадигмы имён прилагательных	11
Автоматический выбор окончания имён прилагательных	13
Определённые прилагательные	13
Указательные местоимения <i>šis, tas</i>	13
Местоимение (<i>tas</i>) <i>pats</i>	14
Местоимение <i>viss</i>	14
Посессивные конструкции	15
Именная группа с предлогом <i>no</i> в разделительном значении	20
Превосходная степень прилагательного	20
Обращения	23
Имена собственные	24
Субстантивированные прилагательные	25
Термины и устойчивые словосочетания	26
Прилагательные, всегда употребляющиеся с определённым окончанием	28
Прилагательное, усиленное тем же прилагательным в родительном падеже	30
Неопределённые прилагательные	30
Неопределённые местоимения	30
Отрицательные местоимения	32
Указательные местоимения <i>šāds, tāds</i>	33
Частицы <i>jo, it(in)</i>	34
Сравнительная степень прилагательного	36
Сказуемое и определение к сказуемому	36
Обстоятельство	39
Глагольно-именной определитель	40
Сравнение	41
Обособленное определение после определяемого слова	42
Определение к определению, выраженному существительным, стоящим после определяемого слова	43
Повтор прилагательного с целью усиления	44
Фразеологизмы	44
Конструкции со значением размера	44
Употребление прилагательных в зависимости от содержания текста	46
Первое / повторное упоминание	46

Анафорическое употребление	46
Общие знания	50
Ассоциативное употребление	52
Усилительная функция.....	56
Заключение.....	58
Литература	62

Введение

В латышском языке имеется две парадигмы имён прилагательных, которые различаются типом окончания — определённое или неопределённое. Эта дифференциация, во многом утратившая семантическое содержание в литовском языке, в латышском по-прежнему крайне важна. С одной стороны, существуют точные правила употребления того или иного окончания в некоторых ситуациях (например, после указательных и притяжательных местоимений всегда используется определённое прилагательное, а в роли именной части составного именного сказуемого — только неопределённое). С другой стороны, в известных случаях выбор окончания может изменять значение сказанного. Дело в том, что определённым и неопределённым окончаниям свойственны функции, сходные с функциями определённых и неопределённых артиклей. В любом грамматическом описании латышского языка будет выделено следующее противопоставление двух типов прилагательных: определённые прилагательные используют, говоря о чём-то «определённом, известном, знакомом» или желая подчеркнуть, усилить называемое свойство, неопределёнными характеризуют предмет как «неопределённый, незнакомый» [MLLVG I: 434] (ср. также описания употребления определённых и неопределённых прилагательных в [Kalme, Smiltņiece 2001: 133], [Nītiņa 2001: 27, 30], [ЯМ 2006: 171], [LVPG 1997: 38, 39]).

Таким образом, можно выделить два основных принципа выбора окончания прилагательного в латышском языке: автоматический, основанный на неких правилах, с одной стороны, и основанный на контексте (прежних упоминаниях объекта, который характеризует прилагательное, «фоновых» знаниях участников разговора и т. п.), с другой. Рабочая гипотеза заключается в том, что в некоторых ситуациях носитель языка автоматически, не задумываясь использует то или иное окончание прилагательного, и здесь выбор так же безусловен, как, скажем, выбор падежного окончания имени существительного после предлога. Если же прилагательное попадает в ситуацию, не совпадающую ни с одной из относящихся к первой группе, то на выбор окончания начинает влиять собственно содержание порождаемого текста. Итак, две основные *цели* данной работы:

- 1) установить набор ситуаций, в которых всегда выбирается то или иное окончание (на основании имеющихся грамматических описаний, с одной стороны, и работы с конкретным текстом, с другой);
- 2) проанализировать влияние контекста на выбор окончания в прочих ситуациях.

Для достижения этих целей поставлены следующие *задачи*:

- выделить основные правила, обуславливающие выбор того или иного типа окончания, пользуясь грамматическими описаниями латышского языка;
- рассмотреть функционирование прилагательных в крупном законченном тексте (для этой цели в качестве *материала* выбрана книга [Kalniete 2001], этот выбор будет обоснован ниже), решая для каждого случая употребления прилагательного вопрос, почему оно получило окончание того или иного типа;
- на основании этого анализа дополнить первоначальный список правил;
- проанализировать случаи, где выбор окончания не подчиняется ни одному из правил, выделить закономерности влияния контекста на выбор окончания.

Актуальность работы обеспечивается тем, что до сих пор не создано описания определённых и неопределённых прилагательных латышского языка, которое отвечало бы современным требованиям лингвистики и позволяло исследователю, не являющемуся носителем языка, понять особенности противопоставления этих двух типов прилагательных. *Новизна* работы заключается в опоре на данные современного литературного языка и логический подход, исключающий оперирование «языковым чутьём», доступным только носителям языка.

Работа состоит из введения, шести разделов и заключения. В первом разделе даётся информация о книге, послужившей материалом для работы, обосновывается её выбор, указываются теоретические источники работы. Во втором разделе вводятся необходимые в дальнейшем понятия «референт» и «референция», поясняется их связь с категорией определённости. В третьем разделе даётся обзор существующих работ о категории определённости применительно к балтийским языкам. В четвёртом разделе рассказывается о происхождении определённых окончаний прилагательных, приводятся парадигмы двух типов имён прилагательных. Пятый и шестой разделы представляют собой основную часть работы, содержащую результаты обработки анализируемого текста: в пятом разделе рассматриваются автоматические правила выбора окончания прилагательного, в шестом — некоторые закономерности выбора окончания в ситуации, не подходящей ни под одно из правил. Выводы, сделанные в ходе исследования, суммируются в заключении.

Источники работы

Материалом для анализа послужила книга С. Калниете «В бальных туфельках по сибирским снегам» [Kalniete 2008], впервые изданная в 2001 году. В ней автор рассказывает о судьбе своих родственников (главным образом своих отца и матери и их родителей), ставших жертвами сталинских репрессий. С. Калниете родилась в Сибири, куда были сосланы её родители, однако в возрасте 5 лет вместе с семьёй получила возможность вернуться в Латвию и большую часть жизни провела там. Она окончила Академию искусств Латвии, в конце 1980-х гг. принимала участие в деятельности общественно-политической организации *Latvijas Tautas fronte* (Народный фронт Латвии), затем сделала политическую карьеру. Её книга написана современным, грамотным, живым латышским языком.

Выбор публицистического, а не художественного произведения для анализа связан с предыдущей попыткой подобной работы на материале романа Илзе Индране (*Ilze Indrāne*) «*Putnu stunda*». Эта попытка оказалась неудачной. Дело в том, что роман написан от первого лица, а это создаёт множество дополнительных эффектов, связанных с определённой прилагательных. При изучении данной темы крайне важными для анализа являются субъект и адресат сообщения, а если сообщением является художественное произведение, написанное от первого лица, у него оказывается два субъекта — автор и рассказчик, причём дистанция между ними может быть большей или меньшей, увеличиваться или сокращаться в зависимости от художественного замысла. Впрочем, это касается любого художественного произведения, создающего собственный мир со своими внутренними законами (ср. утверждение М. А. Кронгауза об особых законах референции, действующих в вымышленных мирах [Кронгауз 2001: 332-333]). Поэтому было решено для начального этапа изучения данной темы выбрать произведение, не осложнённое такими эффектами. Больше всего подходила публицистическая работа, где автор и рассказчик одно и то же лицо, а внутренний мир книги практически совпадает с реальным миром. Книга С. Калниете была выбрана как одна из наиболее ярких работ такого характера в Латвии за последние годы.

Теоретической базой для рассуждений служил главным образом труд К. Лайонза (*Ch. Lyons*) «*Definiteness*», а также некоторые работы российских и литовских исследователей (подробнее см. ниже). Основные сведения об употреблении определённых и неопределённых прилагательных в латышском языке взяты из академической грамматики латышского языка [MLLVG I] и современных вузовских учебников по морфологии латышского языка Д. Нитини [*Nītiņa* 2001], В. Калме и Г. Смилтниеце [Kalme, Smiltņiece 2001].

Понятие референции и категория определённости

Как говорилось выше, традиционно утверждается, что определённые прилагательные в латышском языке используют, говоря о чём-то «определённом, известном», а неопределённые — говоря о чём-то «неопределённом, неизвестном». Подобным образом описываются и прилагательные литовского языка. Несмотря на всю размытость данной характеристики, можно утверждать, что такие различия в употреблении говорят о функциональном сходстве окончаний прилагательных с артиклями. Артикли же, наряду с местоимениями, являются основными средствами актуализации предложения, то есть единицами, помогающими слушающему понять, какой именно объект реальности имеет в виду говорящий. Ведь слово (в данном случае имя) само по себе называет тип или класс объектов, всю совокупность предметов, которые можно им назвать, — ср. слова, являющиеся заголовками словарных статей. А слово в речи может относиться к конкретному предмету, выделять его из класса таких же предметов, что постоянно необходимо при коммуникации. Иными словами, с помощью актуализаторов говорящий может показать слушателю, как именно соотносятся использованные им в предложении слова (прежде всего имена) с теми элементами внеязыковой действительности, которые они называют. Конкретный предмет, о котором говорящий что-либо сообщает адресату, называют **референтом**, а процесс соотнесения имени, употреблённого в высказывании, с референтом и результат такого соотнесения — **референцией**.

Введение понятий «референт» и «референция» неизбежно при обращении к проблеме определённых прилагательных в балтийских языках, поскольку они, видимо, являются единственным имеющимся в этих языках формальным средством выражения категории определённости, а она, в свою очередь, связана именно с проблемами референции.

Классической работой, всесторонне анализирующей категорию определённости как с теоретической точки зрения, так и в плане средств её выражения в языках мира, является книга К. Лайонза «Определённость» [Lyons 1999]. Характерно, что автор пользуется термином «артикль» для обозначения любых лингвистических средств, основной функцией которых является выражение определённости или неопределённости, — сюда относятся как собственно лексические артикли, так и аффиксы [Lyons 1999: 47]. В балтийских, и, шире, некоторых балто-славянских языках категория определённости как раз находит выражение в окончаниях прилагательных. В связи с этим при отсутствии прилагательного в составе именной группы её определённости оказывается формально не выражена. Впрочем, в цели К. Лайонза не входит подробное рассмотрение этого явления, балтийские языки приводятся лишь в качестве примера подобного способа выражения категории определённости [Lyons 1999: 82–84].

Категория определённости в балтийских языках

Значимых работ, рассматривающих категорию определённости в балтийских языках, практически нет. Среди немногих примеров можно назвать статью А. Валецкене «Apibrēžtumo / neapibrēžtumo kategorija ir pirminē ģvardžiutinių būdvardžių reikšmė» [Valeckienė 1986], в которой выделяется два типа имён прилагательных в балтийских языках: одни просто называют свойства объекта, другие помимо этого сообщают некую дополнительную информацию. Она может модифицировать само свойство — это усилительная функция (*prabrēžiamoji funkcija*), — а может характеризовать описываемый объект как известный или неизвестный — это определительная функция. Интересным свойством последней является то, что она больше связана с предметом и именем, называющим его, хотя выражается в форме прилагательного — в выборе определённого или неопределённого окончания. Эту же функцию выполняют артикли в тех языках, где они имеются, — выражают тип референции именной группы, то есть то, как она соотносится с объектом реальной действительности.

В частности, на идеях, высказанных А. Валецкене, основывается доклад А. Д. Даугавет, прочитанный на 40-й конференции, посвящённой дню Артура Озола, 19 марта 2004 г. на филологическом факультете Латвийского университета. В докладе обосновывается утверждение о том, что определённость является категорией не прилагательного, а **всей именной группы**. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку в латышской и литовской лингвистической традиции её относят именно к прилагательному, между тем грамматическая категория может выражаться по-разному: только в одном из составных членов именной группы (причём необязательно в его главном члене), или в каждом из них. В балтийских языках категории рода, числа и падежа имеют показатели во всех единицах, входящих в состав именной группы (ср. *tas baltais zirgs* ‘тот белый (опр.) конь’ — *tā baltā zirga* ‘того белого (опр.) коня’), а категория определённости — только в форме прилагательного. По этой причине А. Д. Даугавет относит противопоставление по определённости / неопределённости в латышском к тем категориям, которые И. Мельчук называет «смещёнными» [Мельчук 1998: 31].

Возможно, первой из опубликованных работ, рассматривающих категорию определённости в балтийских языках в терминах теории референции, стала статья А. Хольфута и А. Тамулёнене в сборнике «Daiktavardinio junginio tyrimai» под ред. А. Хольфута и Р. Микульскаса [Holvoet 2006]. В статье, как и в докладе А. Д. Даугавет, подчёркивается тот факт, что определённость является категорией не прилагательного, а именной группы. А. Хольфут и А. Тамулёнене констатируют, что «область, охватываемая этой категорией, и место её выражения в данном случае не совпадают» [Holvoet 2006: 13]. В первой части статьи авторы описывают

собственно категорию определённости на основе взглядов К. Лайонза и других западных исследователей. Выделяются несколько типов **определённости**. Правда, в основном тексте статьи они не перечислены списком, а перечисление, приведённое в английском резюме, несколько неоднородно и частично соотносится не с типами, а со средствами выражения определённости: «the inherent definiteness of proper names, deictic definiteness, and definite descriptions» ‘ингерентная определённость имён собственных, дейктическая определённость и определённые дескрипции’ [Holvoet 2006: 179]. Ср. средства, используемые для конкретной референции, то есть для выделения одного объекта внеязыковой действительности среди прочих объектов того же типа, упомянутые в классической работе Е. В. Падучевой «Высказывание и его соотносённость с действительностью»: 1) дейктические местоимения; 2) имена собственные; 3) дескрипции, то есть имя нарицательное и артикль или указательное местоимение (возможно, лишь подразумеваемое) [Падучева 1985: 10].

Что касается **неопределённости**, авторы выделяют следующие типы:

- неопределённое-нереферентное употребление, в частности, в таких контекстах как глаголы в форме будущего времени, повелительного или сослагательного наклонения — при этом именная группа неопределена и для говорящего, и для адресата: *Поддай мне (какой-нибудь) нож* (имя *нож* здесь не имеет референта, поскольку говорящий просит не конкретный нож, а любой из имеющихся в пределах досягаемости);
- неопределённое-референтное употребление — именная группа, определённая для говорящего и неопределённая для адресата: *Йонас встретил в кафе (какого-то) знакомого и остался, чтобы поболтать с ним* (имя *знакомый* впервые вводится в дискурс, поэтому для адресата оно неопределённое, говорящий же имеет в виду конкретного человека, которого он, вероятно, тоже видел в кафе).

Такое противопоставление позволяет связать определённость и неопределённость на основе осведомлённости собеседников об описываемом объекте, поскольку третьим членом оппозиции логично становится определённое употребление именной группы, когда она является определённой и для говорящего, и для адресата.

В отдельном разделе упоминаются **общие высказывания**, т. е. высказывания, касающиеся «всех возможных индивидов, удовлетворяющих какой-либо дескрипции, другими словами, вида или категории вообще (например, человека вообще)» [Holvoet 2006: 19]. Такие высказывания не имеют корреляции по признаку определённости / неопределённости (это подтверждается тем, что в артиклевых языках, где позиция артикля в предложении обязательно должна быть заполнена, и даже в пределах одного языка, нет единства относительно того, какой артикль употреблять в общих высказываниях).

Переходя к описанию категории определённости в балтийских языках, авторы статьи прежде всего отмечают разницу в терминологии литовской и латышской традиции: определённые прилагательные, имеющие в языках общее происхождение и сходные функции, называются так в латышских грамматиках, а термин, используемый литовскими лингвистами («местоименные прилагательные»), основан на происхождении и описывает лишь формальную сторону. Поэтому предлагается литовский термин «apibrėžiamosios formos», соответствующий латышскому «noteiktās formas».

Поскольку статья в целом посвящена категории определённости в литовском языке, латышский в ней затрагивается лишь косвенно. Важно, однако, выделяемое коренное различие между функционированием определённых форм в двух балтийских языках. В литовском определённое прилагательное в составе именной группы используется лишь в том случае, когда оно делает дескрипцию определяющей, то есть признак, обозначаемый прилагательным, помогает безошибочно выделить искомый предмет из класса ему подобных. Ср.:

Paduok man raudoną skarelę.

Paduok man raudonąjį skarelę.

‘Подай мне красный платок’.

Признак «красный» во втором примере, очевидно, сужает для адресата область поиска до одного, то есть среди доступных его взору платков есть только один красный, который и просит говорящий.

Если же в высказывании используется другое средство референции — дейктическое местоимение, — то прилагательное ставится в неопределённую форму, так как функцию определяющей дескрипции перенимает местоимение:

Paduok man tą raudoną skarelę. ‘Подай мне тот красный платок.’

Иная ситуация в латышском языке. Там определяющая дескрипция распространяется **на всю именную группу**. Соответственно, предложение, аналогичное последнему литовскому, будет выглядеть как:

Pasniedz man to sarkano lakatiņu

— т. е. используется прилагательное с определённым окончанием, которое фактически является избыточным. Аналогичным образом влияет на выбор окончания притяжательное местоимение, также являющееся дейктическим:

Pasniedz man manu sarkano lakatiņu. ‘Подай мне мой красный платок.’

Ещё одно различие между выражением категории определённости в литовском и латышском языке проявляется в обращениях (подробнее см. ниже).

Две парадигмы имён прилагательных

В латышском языке противопоставление по определённости / неопределённости находит формальное выражение в склонении прилагательного, имеющего две параллельные парадигмы. Окончания неопределённых прилагательных в современном латышском языке совпадают с окончаниями существительных (у прилагательных мужского рода — с окончаниями I склонения, а у прилагательных женского рода — с окончаниями IV склонения). Определённые прилагательные (в балтийских и славянских языках) образовались путём присоединения к основе анафорического местоимения с основой *io-*, выполнявшего роль артикля. Одни исследователи считают, что это было относительное местоимение, другие называют указательное местоимение (см. [Holvoet 2006: 21]), а в Грамматике современного литовского языка утверждается, что присоединилось личное местоимение третьего лица *jis, ji* [DLKG 2005: 174]. Формы этого местоимения действительно угадываются в литовских определённых прилагательных (ср. неопределённое прилагательное *báltas* ‘белый’ и определённое *baltàsis* < **baltas-jis*), но в современных латышских формах оно практически слилось с основой прилагательного (ср. лит. *baltasis* — лтш. *baltais*).

Парадигма прилагательных мужского рода:

падеж	неопределённая форма	определённая форма
SgNom	balts zirgs ‘белый конь’	baltais zirgs
SgGen	balta zirga	baltā zirga
SgDat	baltam zirgam	baltajam zirgam
SgAcc	baltu zirgu	balto zirgu
SgLoc	baltā zirgā	baltajā zirgā
PlNom	balti zirgi	baltie zirgi
PlGen	baltu zirgu	balto zirgu
PlDat	baltiem zirgiem	baltajiem zirgiem
PlAcc	baltus zirgus	baltos zirgus
PlLoc	baltos zirgos	baltajos zirgos

Парадигма прилагательных женского рода:

падеж	неопределённая форма	определённая форма
SgNom	zila kleita ‘синее платье’	zilā kleita
SgGen	zilas kleitas	zilās kleitas
SgDat	zilai kleitai	zilajai kleitai
SgAcc	zilu kleitu	zilo kleitu
SgLoc	zilā kleitā	zilajā kleitā
PlNom	zilas kleitas	zilās kleitas
PlGen	zilu kleitu	zilo kleitu
PlDat	zilām kleitām	zilajām kleitām
PlAcc	zilas kleitas	zilās kleitas
PlLoc	zilās kleitās	zilajās kleitās

Автоматический выбор окончания имён прилагательных

Существуют контексты, в которых определённая или неопределённая именной группы всегда или почти всегда задаётся автоматически. Они включают в себя достаточно ограниченный набор грамматических или лексических категорий (например, дейктические местоимения, притяжательные конструкции, имена собственные), а также синтаксические позиции (например, позиция предиката). В латышском языке картина вполне типична, как будет видно из подробного разбора.

Определённые прилагательные

Указательные местоимения *šis, tas*

После указательных местоимений *šis* ‘этот’, *tas* ‘тот’ прилагательное в латышском языке всегда употребляется в определённой форме [MLLVG I: 436; Kalme, Smiltņiece 2001: 141–142; Nītiņa 2001: 30].

Указательные местоимения часто причисляются к дейктическим выражениям [Lyons 1999: 18]. А дейктические местоимения, согласно Е. В. Падучевой, являются не просто одним из средств конкретной референции, но более того, «самым чистым классом референтных выражений» и «классом слов, который несёт на себе главный груз конкретной референции». Это слова, главная роль которых (возможно, объединяющая их в класс) связана, собственно, с осуществлением референции, так как в их значение «входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесённости высказывания с действительностью» [Падучева 2001: 10–11]. Существенно также замечание К. Лайонза [Lyons 1999: 107] о том, что указательные местоимения, вероятно, присутствуют во всех языках и при этом являются ингерентно определёнными (в частности поэтому они нередко являются прародителями современных определённых артиклей), а отсюда следует, что определённая так или иначе свойственна всем языкам.

Несколько примеров именных групп, содержащих указательное местоимение *šis, tas* и прилагательное, из текста (как ни странно, их оказалось крайне мало):

19¹: ...no šīm uz māsīgajām domām... ‘...от этих навязчивых мыслей...’ (1)

73: ...kopš tās tālās 14. jūnija nakts... ‘...с той далёкой ночи 14 июня...’ (2)

¹ Число, стоящее перед примером, обозначает номер страницы в [Kalniete 2008].

Местоимение (*tas*) *pats*²

Причина, по которой местоимение (*tas*) *pats* ‘(тот же) самый’ делает именную группу определённой, вполне понятна. Самим лексическим значением оно отсылает к чему-то, что уже появлялось в тексте, а значит, известно его адресату. Заметим также, что английский эквивалент этого слова *same* К. Лайонз называет в числе модификаторов именной группы, несовместимых с неопределённым артиклем [Lyons 1999: 8]. Несколько примеров:

41: Zaļais zīda kostīms bija tik skaists! ... Abas ar mammu sprieda, ka kostīmam lieliski piestāvētu tāda paša auduma cepure ar apaļu malu. «Ligucīt,» Emīlija teica, «to vajadzētu pagatavot no tā paša zaļā zīda...» ‘Зелёный шёлковый костюм был таким красивым! ... Они с мамой решили, что с костюмом будет прекрасно сочетаться шляпа из того же материала с круглыми полями. «Лигиточка, — сказала Эмилия, — её нужно сделать из того же зелёного шёлка...»’ (3)

91: Tad sākas pirmie sprādzieni: Vuh! Vuh! Vuh! Un katreiz galvā tikai viena doma – šoreiz trāpīs. Jauns «Vuh!», un atkal tās pašas bezdibēnīgās bailes. ‘Потом начались первые взрывы: бах! бах! бах! И каждый раз в голове только одна мысль — в этот раз попадёт. Новое «бах!», и снова тот же бездонный страх.’ (4)

Местоимение *viss*

С точки зрения категории определённости местоимение *viss* ‘весь’ с различными именами существительными ведет себя неодинаково. В сочетании с неисчисляемыми существительными, употребляющимися только в единственном или только во множественном числе, или в отношении некоего объекта как единого целого местоимение *viss* делает всю именную группу определённой и требует определённого окончания прилагательного, входящего в эту именную группу. Примеры:

43: ...jāņem līdzi viss mājās atrodamais sviests... ‘...надо взять с собой всё имеющееся в доме масло...’ (5)

112: ...viss milzīgais izsūtīto bars mazgājās. ‘...вся огромная толпа ссыльных мылась.’ (6)

Такое ограничение отсутствует для формы *visi*, которая по контексту может сочетаться как с определённой, так и с неопределённой формой прилагательного (см. ниже).

Это явление (определённость именной группы, содержащей местоимение *viss*) объясняется с помощью одной из теорий об определённости, а именно теории уникальности. Согласно этой теории, говорящий использует определённую именную группу, сигнализируя тем самым, что имеется только один референт (в контексте беседы или вообще в мире), удовлетворяющий дескрипции. В [Holvoet 2006: 14] это иллюстрируется следующим литовским

² В [MLLVG I: 436] и [Kalme, Smiltņiece 2001: 142] по не очень понятной причине вместе описывается употребление определённых окончаний после определяющего местоимения (*tas*) *pats* и обобщающего местоимения *viss*. Между тем эти местоимения друг с другом никак не связаны, у каждого из них свои особенности употребления, и их свойство выступать в качестве определённых детерминантов обосновывается по-разному. Поэтому в данной работе они рассматриваются по отдельности.

примером: *Užēik pas mane ī darbā, budintis tau pasakys, kur mane rasti* ‘Зайди ко мне на работу, вахтёр скажет тебе, где меня найти’, где именная группа *budintis* определённая. Адресат лично не знаком с вахтёром, возможно, придя в указанное место, он впервые в жизни его увидит, но сразу поймёт, о ком шла речь, потому что только один человек в здании соответствует описанию (дескрипции) «вахтёр». Однако такое объяснение годится лишь для именных групп, в которых вершина является исчисляемым существительным в единственном числе. Поэтому К. Лайонз описывает уникальность как частный случай инклюзивности (термин Дж. А. Хокинса [Hawkins 1978] «inclusiveness», предлагаемый мною перевод — «всеохватность»): определённая именная группа употребляется в том случае, когда в ней заключена референция ко всему имеющемуся в контексте количеству объектов или вещества, удовлетворяющего дескрипции. В том случае, когда определённая группа объясняется уникальностью референта, это количество равно единице.

Что касается латышского местоимения *visš*, оно как раз и является детерминантом, сигнализирующим о том, что говорящий имеет в виду абсолютно всё количество референта, будь то вещество или класс отдельных людей или предметов, в контексте разговора. В примере (5) это всё масло, имеющееся в доме (что непосредственно уточнено в самом предложении), в примере (6) — вся группа ссыльных, о которой рассказывалось в данной главе, то есть ограниченное число людей, пересылаемое поездом из Латвии в Сибирь.

Интересно, что К. Лайонз сближает английское местоимение *all* ‘весь’ с определённым артиклем *the*, замечая, что в некоторых контекстах они полностью синонимичны [Lyons 1999: 11].

При этом множественное число *visi* может сочетаться с любой формой прилагательного, то есть является нейтральным в выражении всеохватности. Ср.:

54: *Arī visiem pīeaugušiem vīriešiem bija jādodas līdz armijai* ‘Кроме того, всем взрослым мужчинам нужно было отправляться вместе с армией’ (7)

— неопределённое окончание прилагательного;

55: *...pilnībā atbrīvota no visiem svešajiem karotājiem* ‘...полностью освобождена от всех чужих солдат’ (8)

— определённое окончание прилагательного, связанное, возможно, с повторным упоминанием объекта.

Посессивные конструкции

Определённость именных групп, содержащих посессивные конструкции, — явление достаточно широко распространённое в языках мира, хотя оно обнаруживается не везде [Lyons 1999: 23–24].

В [MLLVG I: 437] отдельно рассматриваются определённые прилагательные после притяжательных местоимений и в конструкции с генитивом принадлежности³. Между тем ничто не препятствует объединению

³ Интересно, что в более новых исследованиях эти два случая также описываются по отдельности, но членятся на иных основаниях. Так, в [Nītiņa 2001: 30] вначале даются общим

этих случаев: очевидно, что в именных группах *Ilzes jaunā kleita* ‘новое платье Илзе’ и *viņas jaunā kleita* ‘её новое платье’ действуют одни и те же закономерности. В именную группу включается другая именная группа (несколько модифицированная), образованная либо существительным (в нашем примере *Ilze*), либо местоимением (*viņa*). Ср. утверждение К. Лайонза о том, что синтаксическое поведение этих двух типов притяжательных конструкций ничем существенно не различается. Основная причина, вынуждающая анализировать их отдельно, заключается в том, что в некоторых языках (например, в русском) притяжательные конструкции, образованные от местоимений, аналогичны прилагательным, тогда как притяжательные конструкции, образованные от имён существительных, представляют собой форму родительного падежа [Lyons 1999: 124]. К таким языкам относится и латышский, однако по правилам латышского синтаксиса данные конструкции оказываются перед существительным, то есть занимают ту же позицию в именной группе, что и прилагательное. Собственно, бóльшая часть притяжательных местоимений латышского языка представляет собой формы родительного падежа соответствующих личных местоимений: это местоимения третьего лица обоих чисел (*viņa* ‘его’, *viņas* ‘её’, *viņu* ‘их’ от *viņš* ‘он’, *viņa* ‘она’, *viņi/viņas* ‘они’ соответственно — как и в русском языке) и местоимения первого и второго лица множественного числа (*mūsu* ‘наш’ и *jūsu* ‘ваш’ от *mēs* ‘мы’ и *jūs* ‘вы’ соответственно). Это лишний раз доказывает, что вполне допустимо (и целесообразно) объединить эти два типа притяжательных конструкций при рассмотрении их связей с категорией определённости.

Несколько примеров:

19: ...viņu rūgtā pieredze un zemapziņā ierakstītie Pirmā pasaules kara juku tēli... ‘...их горький опыт и отпечатавшиеся в подсознании смутные образы Первой мировой войны...’ (9)

55: ...atbalstīt Latvijas jauno valdību... ‘...поддержать новое латвийское правительство...’ (10)

70: ...manu stalto vectēvu... ‘...моего статного деда...’ (11)

97: ...viņa plaušas nebija piemērotas mežabrāļu skarbajai dzīvei. ‘...его лёгкие не годились для суровой жизни лесных братьев.’ (12)

115: ...atstājot savu nelielo sakņu dārziņu... ‘...оставляя свой небольшой огород...’ (13)

Следует заметить, что в значении ‘их’ в случаях, когда речь идёт о двоих людях, особенно о супругах, часто выступает местоимение *abu* ‘обоих’, и в этом случае на него распространяется общее правило:

списком указательные местоимения, слова *viss* и *pats*, притяжательные местоимения *mans* ‘мой’, *tavs* ‘твой’, *savs* ‘свой’, а также местоимение *ikkatrs* ‘каждый’, а затем отдельным пунктом приводятся прочие притяжательные местоимения (т. е. представляющие собой форму генитива личных местоимений) и конструкции с генитивом принадлежности. Что касается работы [Kalme, Smiltniece 2001: 142], то там интересующие нас случаи разделены на три группы: 1) притяжательные местоимения *mans*, *tavs*, *savs*; 2) прочие притяжательные местоимения; 3) генитив принадлежности.

98: Milda Aleksandru pieņēma. Abu agrākās nesaskaņas nu šķita tāla, nenozīmīga pagātne... ‘Милда приняла Александрса. Их прежние разногласия теперь казались далёким и незначительным прошлым...’ (14)

(Интересно, что здесь форма сравнительной степени прилагательного, употребляющаяся с неопределённым окончанием (см. ниже), получает определённое окончание, так как присутствие личного (или притяжательного) местоимения делает всю именную группу определённой.)

Кроме того, в латышском языке существительное, обозначающее неодушевлённый предмет, заменяется не личным местоимением *viņš*, а указательным местоимением *tas* (иногда *šis*). В случае с посессивной конструкцией, где *tas* в такой роли появляется в форме генитива, разумеется, действует правило об определённом окончании прилагательного, поскольку *tas* в генитиве здесь эквивалентен притяжательному местоимению:

122: Kad vēlāk klausījos ierakstītās sarunas, tad to rāmais plūdums man likās neizturams... ‘Когда я потом переслушивала записанные разговоры, их спокойное течение казалось мне невыносимым...’ (15)

Ни одно имеющееся грамматическое описание не рассматривает такую ситуацию, поскольку форма генитива от *tas* формально не является притяжательным местоимением.

Любопытно, что возможна и ситуация, когда притяжательное местоимение и прилагательное являются однородными определениями, в этом случае прилагательное не получает определённого окончания:

108: Aleksandra domas klejoja savus, no izvārgušās miesas neatkarīgus ceļus. ‘Мысли Александрса блуждали своими, независимыми от измученного тела путями.’ (16)

Слово «свой» здесь не столько содержит идею принадлежности, сколько несёт некое дополнительное лексическое значение, которое примерно можно выразить контекстным синонимом «отдельный». В речи это слово получило бы дополнительное ударение. Однако в тексте автор подчёркивает отделённость мыслей персонажа от его физических ощущений только запятой. Таким образом, притяжательное местоимение в его первичном значении, способном сделать именную группу определённой, здесь фактически отсутствует, именная группа *ceļus* является неопределённой, что выражено в обоих зависимых от вершины однородных определениях.

Родительный падеж в латышском языке используется также для обозначения субъекта действия при страдательном причастии. Если в такой ситуации субъект выражен личным местоимением (которое можно тогда считать омонимичным притяжательному местоимению), оно делает именную группу определённой:

24: ...Somija bija aizsteigusies mums priekšā tieši par mūsu pārdzīvotajiem okupācijas piecdesmit gadiem. ‘...Финляндия опередила нас как раз на пережитые нами пятьдесят лет оккупации.’ (17)

70: ...pievēra acis uz viņu pastrādātajām cūcībām... ‘...закрывали глаза на устроенные ими безобразия...’ (18)

При этом если субъект действия неодушевлённый и обозначается местоимением *tas*, а не *viņš* (см. выше), причастие также получает определённое окончание:

72: ...bads un tā izraisītā distrofija... ‘...голод и вызванная им дистрофия...’ (19)

Однако это не относится к именам существительным в роли субъекта действия при страдательном причастии. Здесь причастие может иметь как определённое, так и неопределённое окончание, и выбор его, видимо, осуществляется в соответствии с общими правилами. Ср.:

7: Ēdām mammītes sautētu gaļu. ‘Ели тушённое мамой мясо.’ (20)

74: Krusts paceļas pāri ieslodzīto izcirstajiem mežiem un Ļesnojes ciematam... ‘Крест поднимается над лесами, вырубленными заключёнными, и над деревней Лесное...’ (21)

Вообще можно выдвинуть предположение, что если в распространённом определении зависимое от прилагательного или причастия слово является личным или указательным местоимением, это прилагательное или причастие будет иметь определённое окончание. Это подтверждается как приведёнными выше примерами, где зависимое слово было субъектом действия, выраженного причастием, так и более простыми случаями:

23: ...viss ir gandrīz sagatavots ... sociālistiskās revolūcijas uzvedumam ar tai sekojošo padomju varas nodibināšanu... ‘...всё почти подготовлено ... для постановки «Социалистическая революция с последующим установлением советской власти»...’ (22)

41: ...lai pēdējo reizi uzlaikotu šai vasarai šūtos jaunos tērpus. ‘...чтобы в последний раз примерить сшитые на это лето новые наряды.’ (23)

84: Lai arī ģenerālis Jekelnс ar viņam raksturīgo metodiskumu bija visu perfekti izplānojis... ‘Хотя генерал Еккельн со свойственной ему методичностью всё идеально спланировал...’ (24)

Следует отличать именные группы с генитивом принадлежности от похожих именных групп, где фигурируют те же формы слов, но связь между ними иная: более тесно связаны прилагательное и главное существительное, а существительное в генитиве служит определением этому сочетанию:

82: ...algebra, ģeometrija, kā arī fizikas un ķīmijas padziļināts kurss tika uzskatīti par nevajadzīgu greznību. ‘...алгебра, геометрия, а также углублённый курс физики и химии считались ненужной роскошью.’ (25)

Впрочем, и в таких именных группах прилагательное может иметь определённое окончание, обусловленное какими-либо иными причинами:

55: Redzot, kā Krievija šūrojas pilsoņkara mainīgajā laimē... ‘Видя, как Россия раскачивается в переменчивых удачах Гражданской войны...’ (26)

Интересно, что в тексте встретились случаи посессивной конструкции с неопределённым прилагательным — в цитатах из текстов более раннего периода. Это яркая иллюстрация того, что на самом деле требование употреблять в этой позиции определённое прилагательное появилось недавно (о чём свидетельствует и академическая грамматика [MLLVG I: 456]):

30: Tad es būšu drošs, ka viss, kas tagad notiek un tālāk notiks, nāks par labu mūsu valsts un tautas nākotnei un mūsu labām un draudzīgām attiecībām ar mūsu lielo austrumu kaimiņu — Padomju Savienību. ‘Тогда я буду уверен, что всё, что сейчас происходит и произойдёт в будущем, пойдёт во благо будущему нашего государства и народа и нашим добрым и дружественным отношениям с нашим большим восточным соседом — Советским Союзом.’ (27)

Заметим, что это выдержка из обращения президента Карлиса Ульманиса к народу (причём в критический для государства момент — 17 июня 1940 года, в день ввода советских войск в Латвию), следовательно, в ней не только исключаются грамматические ошибки, но, напротив, каждое слово особенно тщательно выверено. Любопытно также, что в одном и том же предложении, в одинаковом окружении используется сначала неопределённое, а потом определённое прилагательное. Можно предположить, что это художественный приём, направленный на облегчение текста, на улучшение его восприятия. Некоторые авторы отмечают, что большое количество определённых окончаний, особенно в тех падежах, где они приобретают расширение *-aj-* (среди них и дательный падеж множественного числа), утяжеляет текст (напр., [Nītiņa 2001: 31]).

Кроме того, в цитате из текста ультиматума, выдвинутого советским правительством латвийскому, имеются следующие словосочетания:

29: nodrošināt padomju-latviešu savstarpējās palīdzības pakta godīgu ieviešanu dzīvē ... nodrošināt padomju karaspēka daļu brīvu ielaišanu Latvijas teritorijā... ‘обеспечить достойное претворение в жизнь советско-латвийского пакта о взаимопомощи ... обеспечить свободный пропуск частей советских войск на территорию Латвии...’ (28)

В обоих случаях в качестве главного слова фигурирует отглагольное существительное, обозначающее действие. Возникает предположение, что в словосочетании с таким существительным прилагательное остаётся неопределённым даже в посессивной конструкции. Впрочем, примеры использования такой конструкции самим автором не могут однозначно ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу. Ср.:

21: ...patriarhālā Ulmaņa režīma mierīgais tecējums un sadzīvīskā rošīšanās... ‘...спокойное течение и бытовые хлопоты патриархального режима Ульманиса...’ (29)

63: Lietas pareizai noformēšanai bija nepieciešami seši apsūdzētā paraksti. ‘Для правильного оформления дела были необходимы шесть подписей осуждённого.’ (30)

Разницу в употреблении прилагательных можно объяснить, например, тем, что подобные конструкции с существительными на *-šana* обычно не требуют определённого прилагательного, но в примере (29) оно ставится по аналогии с прилагательным — определением к однородному *tecējums*. То есть определённая одна из двух однородных именных групп распространяется на другую.

Встретилось ещё одно нарушение правила об определённом прилагательном в посессивной конструкции, однако оно, возможно, вызвано опечаткой (их в книге почти десяток):

122: ...bads bija Emilijas un Ligitas dzīves neatņemama daļa līdz pat 1947. gadam. '...голод был неотъемлемой частью жизни Эмили и Лигиты до самого 1947 года.'

(31)

Именная группа с предлогом *no* в разделительном значении

Е. В. Падучева упоминает о том, что именные группы, содержащие предлог *из* (лтш. *no*), являются определёнными, причём показателем определённости, возможно, является предлог [Падучева 1985: 85].

В грамматике предлагается единственный вариант такой именной группы – *viens no* 'один из' (по крайней мере, только такой вариант представлен в примерах). В. Калме и Г. Смилтниеце относят сюда также *dažs no* 'многие' и *kāds no* 'кто-то из' [Kalme, Smiltņiece 2001: 142]. Стоит отметить, что в такой конструкции часто встречается прилагательное в превосходной степени (такие примеры в основном и приводит академическая грамматика [MLLVG I: 438]), однако именно превосходная степень в этом случае требует определённого окончания прилагательного. Это легко проверить: если отделить именную группу, стоящую после *no*, прилагательное в ней всё равно будет определённым. Таким образом, правило, связанное с морфологическими категориями, иерархически важнее правила, основанного на синтаксических связях.

Чистых примеров именной группы с предлогом *no* в разделительном значении, содержащих прилагательное, встретилось очень немного. Зато они позволяют расширить спектр тех слов, которые могут быть главными в такой конструкции (помимо упомянутых *viens*, *dažs* и *kāds*). Примеры:

68: ...savākt kaut ko no pirms nedēļas zem klajas debess atstātajām un nu lietū izmirkušajām, citu izsūtīto daudzkārt pārcilātajām un sajauktajām mantām. '...собрать что-то из вещей, оставленных неделю назад под открытым небом и теперь намоченных под дождём, многократно перебранных и перепутанных другими заключёнными.'

(32)

77: Gar Šķīrotavu gāja viens no lielajiem Sarkanās armijas atkāpšanās ceļiem. 'Через Сортировочную проходил один из больших путей отступления Красной армии.'

(33)

77: ...lai nepalaistu garām neko no aizraujošajiem notikumiem. '...чтобы ничего не пропустить из захватывающих событий.'

(34)

121: ...iekārtojās kādā no nerabeigtajām būdām... '...расположились в одной из недостроенных лачуг...'

(35)

Превосходная степень прилагательного

Категория степени прилагательного в латышском языке ярко иллюстрирует принцип выбора определённого или неопределённого окончания, основанный на возможности / невозможности вычленив референт из ряда объектов того же класса. Сама семантика превосходной степени подчёркивает уникальность референта: если он «лучший», «высший», «быстрейший», то эта

характеристика позволяет однозначно его опознать. Ср.: «Превосходство означает обладание какой-либо чертой в такой степени, в какой никто более ею не обладает» [Lyons 1999: 247]. Потому логично, что прилагательное в превосходной степени употребляется с показателем определённости в тех языках, которые имеют такую возможность [Lyons 1999: 246]. К ним относятся и латышский.

В латышском сравнительная степень прилагательного образуется путём добавления к основе положительной степени суффикса *-āk-* и соответствующего окончания [Kalme, Smiltniece 2001: 146] (напр., *mazs* ‘маленький’ — *mazāks* ‘меньший’). Для образования превосходной степени к сравнительной степени добавляется приставка *vis-* (сократившееся слово *visu* ‘всех’) или слово *pats* ‘самый’, а окончание становится определённым [Kalme, Smiltniece 2001: 147–148] (*vismazākais*, *pats mazākais* ‘самый маленький, наименьший’). В крайне редких случаях окончание остаётся неопределённым (например, если прилагательное входит в состав сказуемого [MLLVG I: 439; Kalme, Smiltniece 2001: 144] или ради сохранения ритма в поэтическом тексте [Nītiņa 2001: 35]). Зато очень распространено употребление сравнительной формы с определённым окончанием в значении превосходной (*mazākais* ‘наименьший’). В тексте таких форм встретилось гораздо больше, чем полных.

Несколько примеров:

17: ...viedu zīmi, kas ievadīja asiņaināko karu pasaules vēsturē. ‘...вещий знак, который вводил самую кровавую войну в мировой истории.’ (36)

101: Viņi sāta negaidīti un pa vissāpīgākajām vietām. ‘Они били неожиданно и по самым болезненным местам.’ (37)

112: ...abām būs mugurā skaistākās kleitas pasaulē. ‘...на них будут надеты самые красивые в мире платья.’ (38)

Изредка встречается в тексте и архаичная форма превосходной степени с показателем *tas*, сложившаяся, вероятно, под влиянием немецкого языка:

23: Padomju karabāzes un vāciešu repatriācija bija tās redzamākās briesmu pazīmes, tomēr pat šausminošākajām sapnī nevienam Latvijā tobrīd nevarēja ienākt prātā... ‘Советские военные базы и репатриация немцев были наиболее заметными ужасными признаками, однако даже в самом страшном сне никому в Латвии тогда не могло бы прийти в голову...’ (39)

— в этом примере также имеется причастие в превосходной степени;

107: ...novēlu no sirds to labāko... ‘...от души желаю всего самого лучшего...’ (40)

— в тексте письма, написанного в 1951 г.

Интересно, что в случае с причастием может возникнуть ситуация, когда оно характеризуется наречием в превосходной степени и при этом получает определённое окончание, как бы перенимая от наречия признак превосходства:

30: Zīmīgākos un visbiežāk citētos vārdus... ‘Самые значительные и наиболее часто цитируемые слова...’ (41)

81: Oficiālajā avīzē «Tēvija» visrūpīgāk lasītā daļa bija rīkojumi par apgādes grāmatiņām, kartītēm un pārtikas devām... ‘В официальной газете «Тевия»

(«Родина») внимательнее всего прочитывались распоряжения о продуктовых книжках, карточках и продовольственных пайках...’ (42)

Часто из содержания текста очевидно, что прилагательное употреблено в сравнительной степени, а определённое окончание, которое в обычных случаях указывает на форму превосходной степени, «навязывается» ему каким-либо другим элементом, делающим именную группу определённой. Ср.:

85: Starp priedēm atradās divi klajumi. Viens lielāks, otrs — nedaudz sāņus — mazāks. ... Mazākā pļaviņa bija sētīn nosēta ar Latvijas un ārzemju pasēm ... Lielākajā laukumā bija skaidri saskatāmas sešas konusveidīgas bedres ... Katram pašam bija jānogērbjas mazākajā pļaviņā... ‘Среди сосен были две поляны. Одна побольше, другая — немного в стороне — поменьше. ... Маленькая поляна была вся усеяна латвийскими и заграничными паспортами ... На большой поляне ясно были видны шесть конусообразных ям ... Каждый сам должен был раздеться на маленькой поляне...’ (43)

Смена неопределённых окончаний на определённые вызвана, вероятно, тем, что объекты, которые они характеризуют, упомянуты во второй раз — это типичное условие употребления определённых прилагательных. При этом возникают формы, омонимичные формам превосходной степени.

Интересно, что, когда речь идёт о братьях или сёстрах, их возрастное соотношение всегда обозначается прилагательными в превосходной степени *vecākais* ‘самый старший’ и *jaunākais* ‘самый младший’, даже если их всего двое. Это похоже на употребление с парными предметами, например частями тела типа рук, глаз и т. п., определённых прилагательных, подчёркивающих противопоставление (*labais plecs* ‘левое плечо’ — *kreisais plecs* ‘правое плечо’, *labais krasts* ‘левый берег’ — *kreisais krasts* ‘правый берег’) [MLLVG I: 443]. Так, об одном из двух братьев (дяде автора) в тексте говорится:

9: Tēva jaunākajam brālim Arnim palaimējās izvairīties no izsūtīšanas. ‘Младшему брату отца Арнису удалось избежать высылки.’ (44)

Причём вряд ли можно утверждать, что здесь определённое окончание употреблено в связи с позицией в посессивной конструкции, так как оно используется и вне такого контекста:

91: Arī Aivars bija drošībā ganos Carnikavā. Jaunākais dēls Arnis bija aizvests pie Matildes uz riepilsētu. ‘Айварс также был в безопасности — пас коров в Царникаве. Младшего сына Арниса отправили к Матильде в пригород.’ (45)

Ср. также:

117: Pēc viņas nāves divas jaunākās Upīšu meitenes ar mammu devās meklēt darbu tuvējā pilsētiņā. ‘После её смерти две младшие дочери Упите с мамой отправились искать работу в ближнем городке <а старшая осталась>.’ (46)

Ещё одним фактором, способствующим появлению определённого окончания в форме сравнительной степени (и вообще определённости именной группы), возможно, является порядковое числительное. Все порядковые числительные в латышском языке имеют определённые окончания, что объясняется, как и в случае с превосходной степенью, их семантикой (объект, занимающий некоторое место в ряду, благодаря этому безошибочно выделяется

среди прочих — ср. употребление числительных в английском с определённым артиклем). Поскольку в латышском языке определённая именной группы выражается во всех входящих в неё членах, способных её выразить, определённая, свойственная порядковым числительным, распространяется на прилагательные:

34: Pirmais sāpīgākais trieciens bija Demokrātiskā bloka aktīvistu arestēšana...
'Первым более болезненным ударом были аресты активистов Демократического блока...'
(47)

61: ...esmu pirmais tuvais cilvēks, kas pieskarsies papīriem, kuri liecina, kas noticis... '...я первый близкий человек, который прикасается к бумагам, свидетельствующим о том, что произошло...'
(48)

В примере (47) трактовка прилагательного как стоящего в превосходной форме логически невозможна: словосочетание «первый наиболее болезненный удар» абсурдно, так как предполагает, что дальше последовали другие «наиболее болезненные» удары. В данном случае использована сравнительная форма прилагательного, создающая контраст с предыдущими предложениями. Ср. в более широком контексте:

Bailes radās pamazām. Līdz ar pirmajām baumām par arestiem. Ar agresīvās valodas pastiprināšanos presē. Ar aizsargu organizācijas un citu sabiedrisko organizāciju aizliegšanu. Pirmais sāpīgākais (курсив мой. — *A. P.*) trieciens bija Demokrātiskā bloka aktīvistu arestēšana sākot no 9. jūlija. 'Страх появлялся постепенно. С первыми слухами об арестах. С усилением агрессивного языка в прессе. С запретом организации айзсаргов и других общественных организаций. Первым более болезненным ударом были аресты активистов Демократического блока, начиная с 9 июля.'
(49)

Характерно, что в примере (48) прилагательное имеет определённое окончание, несмотря на предикативную позицию.

См. также упомянутый в разделе о посессивных конструкциях пример (14).

Обращения

Прилагательное, употребляющееся в роли обращения, самостоятельно или как определение к существительному, в латышском языке всегда имеет определённое окончание ([MLLVG I: 440; Kalme, Smiltiece 2001: 143; Nītiņa 2001: 30])⁴. Вообще обращение не является определённой или неопределённой именной группой «по умолчанию»: в разных языках представлены разные варианты, для некоторых языков это вообще невозможно точно определить. Так, в английском языке обращение выступает без артикля (*Hello, chaps* 'Привет, парни!'; *Children, what are you doing?* 'Дети, что вы делаете?'), во французском оно употребляется либо с определённым артиклем, либо с притяжательным местоимением и, следовательно, является определённым. В сербо-хорватском языке прилагательное в роли определения к обращению имеет определённую форму [Lyons 1999: 152–153]. В литовском

⁴ За исключением случаев восклицания типа *Ak tu manu baltu dieņiņu!* 'Ах ты Господи Боже мой!' (даже после притяжательного местоимения) [MLLVG I: 453].

языке, как правило, в этом случае прилагательное получает неопределённое (неместоименное) окончание. В латышском, как уже было сказано, прилагательное всегда будет определённым. А. Хольфут и А. Тамулёнене объясняют разницу в употреблении прилагательных при обращении в балтийских языках следующим образом: существительное в роли обращения получает некоторую дейктическую определённую, которая в литовском языке, в отличие от латышского, не обязана получать формальное выражение в прилагательном. Поэтому по-литовски можно сказать и *Gerbiamos ponios ir ponai! Sveiki atvykę į mūsų koncertą* ‘Уважаемые дамы и господа! Добро пожаловать на наш концерт’ (неместоименное окончание), и *Paleisk mane, gerasis žmogau, aš tau tris norus išpildysiu!* ‘Отпусти меня, добрый человек, выполню три твоих желания!’ (местоименное окончание). Последний случай А. Хольфут и А. Тамулёнене считают реликтом, отображением более древнего состояния балто-славянских языков, сохранившегося в латышском и сербохорватском [Holvoet 2006: 25].

В проанализированном тексте ни одного примера обращения не встретилось. Это связано с публицистическим характером текста, практически исключая прямую речь.

Имена собственные

В составе имён собственных или в качестве определения к ним прилагательное в латышском языке всегда имеет определённое окончание [MLLVG I: 440–441; Kalme, Smiltņiece 2001: 141; Nītiņa 2001: 30]. Это связано, очевидно, с ингерентной определённой имён собственных (см. [Holvoet 2006: 13], также косвенно [Падучева 1985: 10]) или во всяком случае с их сходством с определёнными именными группами [Lyons 1999: 22]. Иногда говорят, что имена собственные логически эквивалентны определяющим дескрипциям, поскольку они дают уникальную референцию [Lyons 1999: 21].

Несколько примеров:

— определённое прилагательное в составе имени собственного:

35: ...uzņemt Latviju Padomju Sociālistisko Republiku Savienības sastāvā...
‘...принять Латвию в состав Союза Советских Социалистических Республик...’ (50)

113: ...viņas sasniedza kolhozu «Lielais Čigass»... ‘...они достигли колхоза «Большой Чигас»...’ (51)

(К именам собственным относятся также такие названия как *Lielais krusts* (с. 74) ‘Большой крест’ — крест на кладбище Межа (Meža kapī) в Риге, посвящённый памяти жертв советского режима, *Baigais gads* (с. 90 и др.) ‘Страшный год’ — период первой советской оккупации 17 июня 1940 – 1 июля 1941, «*Jaunākās Ziņas*» (с. 23) букв. ‘Новейшие известия’⁵ — название газеты)

— определённое прилагательное как определение к имени собственному:

⁵ Впрочем, в этом случае трудно разделить определённую имени собственного и определённую, связанную с превосходной степенью прилагательного.

51: Tā viņš satika jauno un skaisto Izi Emiliju Gāliņu... ‘Так он повстречал молодую и красивую Илзе Эмилию Галиню...’ (52)

73: ...nenoguris domāja arī par viņiem tālajā Vjatlagā. ‘...неустанно думает и о них в далёком Вятлаге.’ (53)

Субстантивированные прилагательные

Определённость субстантивированных прилагательных [MLLVG I: 441; Kalme, Smiltniece 2001: 141] объясняется, видимо, их происхождением из полных именных групп, которые в свою очередь по разным причинам были определёнными.

Так, в латышском языке имеется большое количество субстантивированных страдательных причастий обоих времён, имеющих терминологическое значение (об определённости прилагательных в составе терминов см. ниже). Это, в частности, слова из юридической сферы *izsūtītais* ‘ссылный’ и *ieslodzītais* ‘заключённый’, которые в связи со спецификой текста встречаются в нём в огромных количествах. К субстантивированным относится и причастие *jaunlulātie* (с. 52) ‘новобрачные’ (ср. *lulātais draugs* ‘супруг’ и др.). К субстантивированным относятся также названия некоторых помещений в доме, происходящие из сократившихся сочетаний со словом «комната», напр. в тексте *pieliekamais* (с. 43) ‘кладовая, кладовка’ (ср. в современном латышско-русском словаре *pieliekamais [kambaris]* [KLLKV: 623], а [LLVV] помечает такое словосочетание как устаревшее).

Субстантивированными являются обобщённые названия веществ, явлений, понятий (в русском языке их эквиваленты часто также являются субстантивированными прилагательными в форме среднего рода). Например:

33: ...tiem pilnībā sajukusi izpratne par labo un ļauno... ‘...у них совершенно смешались представления о добре и зле...’ (54)

80: Latvisko gan nevajāja tik brutāli, tomēr tā izpausmes ierobežoja... ‘Хотя всё латышское не преследовали так жестоко, однако проявления ограничили...’ (55)

117: Tomēr, neskatoties uz sarūpēto, ēdamā nepietika... ‘Однако, несмотря на накопленное, еды не хватало...’ (56)

Однако после местоимений *kas*, *kaut kas*, *nekas* и словосочетания *šis tas* даже субстантивированные прилагательные употребляются с неопределённым окончанием [MLLVG I: 449] (см. ниже).

Прилагательное также становится субстантивированным в случае эллипсиса, когда опускается повторяющееся существительное, которое оно характеризует:

115: Kukaiņi kopā ar izsūtītajiem pārceļoja no vienas nomētājuma vietas uz nākamo, tur sapārojās ar jau priekšā gaidošajiem... ‘Насекомые вместе со ссыльными переезжали из одного поселения в другое, там спаривались с уже ожидающими...’ (57)

Это кажется логичным, так как контекстно субстантивированные прилагательные указывают на предмет, который только что упоминался.

Термины и устойчивые словосочетания

В составе терминов и вообще устойчивых словосочетаний прилагательные употребляются в определённой форме. Академическая грамматика выделяет здесь следующие категории: 1) термины; 2) устойчивые словосочетания, за которыми закрепилось особое значение, не складывающееся из значений входящих в них слов (напр., *vecāis tēvs* *‘старый отец’ > ‘дедушка’)⁶; 3) группы из двух или более конкретных предметов (ср. примеры (44)-(45), а также пример из текста *kreisā plauša* (с. 96) ‘левое лёгкое’); 4) метафорические словосочетания (напр., *zaļais zelts* ‘зелёное золото’ > ‘леса’) [MLLVG I: 442–443]. Употребление в таком словосочетании определённого прилагательного интуитивно понятно: значение словосочетания сузилось по сравнению со значением отдельных его элементов. Так, *melnās jāņogas* ‘чёрная смородина (*Ribes nigrum*)’ обозначает не просто чёрные ягоды названного растения, но биологический вид, растение и его плоды, которые будут называться так независимо от их цвета на разных стадиях созревания. Кстати, это растение имеет в латышском и отдельное название *upenes*, но в данном случае использован пример из текста (с. 120).

Подобного рода терминов в книге встретилось множество, они относятся к разным отраслям науки, набор которых определяется тематикой книги. Самую большую группу составили общественно-политические и исторические термины и устойчивые словосочетания (разделить их не всегда представляется возможным): *āriskā izcelsme* (с. 83) ‘арийское происхождение’, *kriminālā pasaule* (с. 70, 102) ‘криминальный мир’, *nacionālā pretestība* (с. 34) ‘национальное сопротивление’, *pārvietotās personas* (с. 9) ‘перемещённые лица’, *sarkanais terors* (с. 9, 55) ‘красный террор’, *savstarpējās palīdzības pakts* (с. 22, 29) ‘пакт о взаимопомощи’, *sociālā dzīve* (с. 106) ‘социальная жизнь’, *staliniskās represijas* (с. 24, 55, 56) ‘сталинские репрессии’, *vēsturiskā tēvija* (с. 22) ‘историческая родина’ и др. Здесь же можно упомянуть пропагандистскую фразеологию власти (как советской, так и немецко-фашистской): *fašistiskie bandīti* (с. 102) ‘фашистские бандиты’, *iekšējais ienaidnieks* (с. 71) ‘внутренний враг’, *varonīgie atbrīvotāji* (с. 80) ‘героические освободители’, *varonīgie padomju pagrīdnieki* (с. 88) ‘героические советские подпольщики’ и др. Вторую по величине группу составили юридические термины, появляющиеся в главах, которые рассказывают о ходе следствия над членами семьи автора, и в основном отсутствующие вне этих глав: *bruņotās bandas* (с. 103) ‘вооружённые банды’, *personīgā lieta* (с. 64, 100, 108) ‘личное дело’, *procesuālais kodekss* (с. 63) ‘процессуальный кодекс’ и др. Встретились также:

- биологические термины: *baltie lāči* (с. 121) ‘белые медведи’, *ģenētiskais fonds* (с. 115) ‘генетический фонд’ и др.;

⁶ Правда, есть несколько исключений: *salds piens* *‘сладкое молоко’ > ‘парное молоко’, *cienīgs tēvs* *‘уважаемый отец’ > ‘священник’, *sausā maize* *‘сухой хлеб’ > ‘хлеб без ничего’ и некоторые другие [MLLVG I: 455].

- медицинские термины: *iekšējie orgāni* (с. 123) ‘внутренние органы’, *krupozais plaušu karsonis* (с. 61, 72) ‘крупозное воспаление лёгких’ (хотя: *hronisks miokardīts* (там же) ‘хронический миокардит’) и др.;
- географические термины: *mūžīgais sasalums* ‘вечная мерзлота’, *polārais loks* ‘полярный круг’ (оба на с. 105) и др.

Кроме того, стоит отметить такие распространённые в быту словосочетания как *dzeramais ūdens* (с. 45, 68, 112) ‘питьевая вода’, *vieglā automašīna* (с. 95) ‘легковой автомобиль’ и др.

К устойчивым словосочетаниям можно отнести, среди прочего, *augstais gods* (с. 80) ‘высокая честь’, *vecais gads* (с. 73) ‘старый год’ (в ситуации накануне наступления нового года), выражение *tā saucamais* (с. 102) ‘так называемый’.

Впрочем, определённые формы прилагательных в терминах употребляются непоследовательно. Например, в эквивалентах терминов «(лагерь) строгого режима, особого режима» используются неопределённые прилагательные: *stingra režīma*, *īpaši stingra režīma (nometne)* (с. 103). Словосочетание *sociāli bīstam(ai)s elements* ‘социально-опасный элемент’ автор всегда ставит в кавычки, что, казалось бы, подчёркивает его устойчивый и даже терминологический характер, однако окончания использует разные. Ср.:

36: ...pildīt Maskavas uzlikto «sociāli bīstamo elementu» izolēšanas plānu. ‘...выполнять установленный Москвой план изоляции «социально-опасных элементов».’ (58)

40: ...netiek uzskatīti «par sociāli bīstamiem elementiem»... ‘не считаются «социально-опасными элементами»...’ (59)

57: ...Jānis Dreifelds bija šķiras ienaidnieks, kurš ... klasificējams kā «sociāli bīstams elements»... ‘...Янис Дрейфелдс был классовым врагом, который ... классифицировался как «социально-опасный элемент»...’ (60)

73: ...bija tik žēlīgs, lai šim «ekspluatatoram un sociāli bīstamajam elementam» kaut ko atklātu... ‘...был настолько милосердным, чтобы что-то открыть этому «эксплуататору и социально-опасному элементу»...’ (61)

Возможно, в примерах (59)-(60) неопределённое окончание употреблено в связи с позицией предиката (см. ниже), а в примере (61) определённое — после указательного местоимения, однако неясно, чем объяснить определённое окончание в примере (58). В любом случае словосочетание действительно относится к устойчивым.

Определённое окончание также получают прилагательные в таких фразеологических словосочетаниях как *tīrais brīnums* ‘просто чудо’, *lielais paldies* ‘большое спасибо’ и тому подобных, где прилагательное часто практически утратило своё лексическое значение и используется для усиления существительного, для более яркого выражения эмоций. В тексте такие примеры не встретились.

Прилагательные, всегда употребляющиеся с определённым окончанием

Некоторые прилагательные в силу своей семантики закрепились в языке в определённой форме, то есть они всегда или почти всегда имеют определённое окончание. В академической грамматике латышского языка приводится следующий список слов, употребляющихся только с определённым окончанием: *galējais* ‘окончательный’, *galvenais* ‘главный’, *malējais* ‘крайний’, *pārējais* ‘остальной’, *pēdējais* ‘последний’, *pērnais* ‘прошлогодний’, *turpmākais* ‘последующий’, *vienīgais* ‘единственный’, а также причастия *beidzmais* ‘окончательный’ и *nākamais* ~ *nākošais* ‘следующий’ [MLLVG I: 444–445]⁷. Определённость таких слов чем-то напоминает определённую превосходной степени прилагательного, можно считать её ингерентной: действительно, в конкретный момент времени только один объект в контексте может быть «главным» или «последним» (и тем более «единственным»). И только один объект может быть «следующим» в ситуации следования друг за другом (скажем, когда речь идёт об очереди в магазине — пример К. Лайонза для иллюстрации определённости именной группы, содержащей слово *next* (см. сноску 7)). А характеристика *pārējie* ‘остальные’ (чаще именно во множественном числе, а не в единственном) привносит в именную группу определённую, происходящую от всеохватности (см. рассуждение о слове *viss* с. __). Подобные характеристики позволяют однозначно определить референт.

В двух других грамматических описаниях список прилагательных, всегда употребляющихся с определённым окончанием, короче [Kalme, Smiltņiece 2001: 143; Nītiņa 2001: 30]. Заметим, все авторы признают, что этот список неполон.

Возможно, открытый характер списка связан с тем, что у множества прилагательных существует словарная форма с неопределённым окончанием (в отличие от вышеупомянутых, большинство из которых в [LLVV] приводится в определённой форме), однако в речи они, как правило, употребляются с определённым окончанием. Это часто видно из примеров, которые приводятся в словарных статьях [LLVV]: иногда во всех или в большинстве примеров прилагательное стоит в определённой форме. К таким прилагательным относятся, в частности, слова, имеющие суффикс *-ēj-*. Кстати, с ними же связано ограничение на употребление определённого окончания: в тех падежах, где определённое окончание расширено суффиксом *-aj-* (датель и локатив единственного и множественного числа), эти слова расширения не получают (для благозвучия), то есть формально они употребляются в этих падежах с неопределённым окончанием.

В проанализированном тексте следующие прилагательные встретились в большинстве случаев с определённым окончанием: *ārējs* ‘внешний’, *iepriekšējs* ‘предварительный, предыдущий’, *kārtējs* ‘очередной’ (об этом прилагательном

⁷ Отметим, что К. Лайонз называет слова *only* и *next* (эквиваленты латышских *vienīgais* и *nākamais*, *turpmākais*) среди модификаторов именной группы, несовместимых с неопределённым артиклем [Lyons 1999: 8].

в [LLVV] сказано «обычно с определённым окончанием»), *kopējs* ‘общий’, *līdzšinējs* ‘прежний’ (характерно, что в [MLLVG I: 445] это прилагательное не перечислено среди тех, которые всегда употребляются с определённым окончанием, но появляется в одном из примеров), *sākotnējs* ‘первоначальный’, *toreizējs* ‘тогдашний’, *tuvējs* ‘ближний’, *vidējs* ‘средний’, *vietējs* ‘местный’, *vispārējs* ‘всеобщий’.

Некоторые из этих прилагательных только в одном из значений употребляются всегда или преимущественно с определённым окончанием. Так, в [LLVV] третье значение слова *kopējs* (‘такой, который получен путём суммирования нескольких величин’) иллюстрируется исключительно примерами с определённым окончанием, хотя в явном виде данное ограничение не сформулировано. В то же время третье значение слова *vidējs* (‘такая величина, которую получают путём деления суммы двух или более величин на их количество’) непосредственно сопровождается пометой «с определённым окончанием».

Несколько примеров:

19: ...skolā bijusi vienīgā skolniece, kuru vecāki lūguši atbrīvot no ticības mācības stundām. ‘...в школе была единственной ученицей, родители которой просили освободить её от уроков Закона Божьего.’ (62)

30: Arī paskaidrojums par turpmāko valdības rīcību ir tikpat nekonkrēts un mīklains... ‘Пояснение о последующих действиях правительства такое же неконкретное и загадочное...’ (63)

80: Latvieši drīz vien attapās no lētticīgās sajūsmas par kārtējo «atbrīvošanu». ‘Латыши скоро пришли в себя от легковерной радости в связи с очередным «освобождением».’ (64)

96: Kad tuvojās Latvijas pēdējās stundas... ‘Когда приближались последние часы Латвии...’ (65)

100: Tātad vidējais rakstīšanas ātrums bijis nedaudz mazāk nekā viena lapa stundā. ‘Значит, средняя скорость письма была немного меньше одной страницы в час.’ (66)

123: Arī pārējām sievietēm notika tāpat. ‘И у остальных женщин случилось то же самое.’ (67)

Здесь же стоит сказать о том, что в проанализированном тексте практически всегда с определённым окончанием употребляются слова *bijis* ‘бывший’ и *esošs* ‘имеющийся, существующий, нынешний, расположенный’, когда они играют роль определения:

71: Apstiprinātais ražošanas plāns nometnes vadībai bija jāizpilda ar esošo ieslodzīto skaitu. ‘Усиленный производственный план руководство лагеря должно было выполнять с имеющимся количеством заключённых.’ (68)

117: Vietējai skolotājai, bijušajai pilsētniecei ... bija patafons un dažas plates... ‘У местной учительницы, бывшей горожанки ... был патефон и несколько пластинок...’ (69)

119: ...pārvietot «Lielajā Čigasā» dzīvojošos latviešus uz blakus esošo pilsētiņu Parabeļu... ‘...переместить живущих в «Большом Чигасе» латышей в расположенный неподалёку городок Парабель...’ (70)

Встретилось лишь одно употребление с неопределённым окончанием:

102: Lietai ir pievienota pretestības kustības grupu sakaru shēma, kur vectēvs ierakstīts nomaļus esošā lodziņā. ‘К делу приложена схема связей групп движения сопротивления, где дедушка вписан в расположенное сбоку окошко.’ (71)

Прилагательное, усиленное тем же прилагательным в родительном падеже

В конструкции типа *vesi vecie* ‘очень старые’ первое прилагательное всегда стоит в неопределённой форме, а второе — всегда в определённой.

В проанализированном тексте таких примеров не было. Ср. пример из [MLLVG I: 444]: *Jau bija vakars vēlu vēlais, kad Jēcis izkļuva no kokiem miklā dangā* ‘Был уже совсем поздний вечер, когда Ецис выбрался из деревьев в сырой овраг’ (А. Аустриньш).

Неопределённые прилагательные

Неопределённые местоимения

Среди неопределённых местоимений, требующих неопределённого окончания прилагательного, упоминаются: *dažs*, (*kaut*) *kāds* ‘некий, некоторый, какой-то’, *cits* ‘другой’, а также прилагательные *visāds* ‘всякий’ и *dažāds* ‘различный’ и числительное *viens* ‘один’ с неопределённым значением [MLLVG I: 447–449; Nītiņa 2001: 27]. Все эти слова подчёркивают неопределённый характер слова, характеризующего вершину именной группы. Оно не даёт дескрипции, позволяющей безошибочно выделить референт из окружающего мира, эта дескрипция подходит для нескольких референтов, что и показывают неопределённые местоимения и сходные с ними по смыслу слова. Так, местоимение *dažs* гораздо чаще употребляется во множественном числе, чем в единственном, и обозначает в таком случае ‘несколько’, т. е. неопределённое количество референтов. Слово *kāds* в некоторых контекстах может соотноситься с русским числительным *один*, когда оно употребляется для обозначения референта, известного говорящему, но неизвестного адресату: *Vakar satīku kādu vecenīti, kura teica, ka tevi pazīst*. ‘Я вчера встретил одну старушку, которая сказала, что знает тебя’.

Несколько примеров:

39: *Arī citās brīvās pasaules valstīs nekad nekas tāds nav piedzīvots...* ‘И в других свободных государствах мира никогда ничего такого не переживали...’ (72)

62: *Biedrs Vids interesējās, ... vai ir kāds represēts radnieks...* ‘Товарища Видса интересовало, ... есть ли репрессированные родственники...’ (73)

87: *Es nepieņemu šo vēlēšanos man un citiem godīgiem Latvijas cilvēkiem uzlikt «iedzimto vainu»...* ‘Я не принимаю это желание на меня и других честных жителей Латвии взвалить «врождённую вину»...’ (74)

89: *Slimnieki Mildai pateicībā atstāj pa kādai mazai dāvanīnai...* ‘Больные оставляли Милде в благодарность какой-нибудь небольшой подарок...’ (75)

Именных групп, содержащих местоимение *dažs* и прилагательное, в

проанализированном тексте встретилось лишь две, и в обеих имеются основания для употребления определённого окончания:

118: *Daži vietējie puīši un meitas...* ‘Некоторые местные парни и девушки...’ (76)

— слово *vietējais* практически всегда имеет определённое окончание;

121: *Daži uzņēmīgākie pa ledu reizēm pārgāja uz tuvējo sādžu...* ‘Некоторые наиболее предприимчивые иногда по льду ходили в ближнюю деревню...’ (77)

— прилагательное в превосходной степени, к тому же субстантивированное.

Именных групп со словом *viens* и с прилагательными *visāds* и *dažāds*, содержащих прилагательное, не встретилось.

Стоит отметить, что слово *kāds* (как, видимо, и другие местоимения) может быть «вынесено за скобки», то есть употреблено только перед первым из нескольких однородных определений, хотя его значение относится ко всем определениям:

85: *Visapkārt mētājās dažādas sīkietas — kāda notrūkusi siksnīņa, izmirkusi zeķe vai nomelnējusi veļas stērbele, kuras nelaimīgie bija atstājuši...* ‘Повсюду валялись разные мелкие вещи — какой-то порванный ремешок, мокрый чулок, почерневший лоскуток белья, которые несчастные оставили...’ (78)

106: *...varbūt reizēm ... viņš arī kaut ko zīmēja — kādu ziemeļu dabas skatu vai nevainīgu joku bildi.* ‘...может, иногда ... он также рисовал что-нибудь — какой-нибудь вид северной природы или невинную карикатуру.’ (79)

Грамматика указывает также на такое явление как неопределённое окончание субстантивированных прилагательных после неопределённых местоимений *kas* ‘кто/что’, *kaut kas* ‘кто-то/что-то’ и словосочетания *šis tas* ‘кое-что, то сё’, а также отрицательного местоимения *nekas* ‘ничто, ничего’. Это единственный известный нам случай, когда при столкновении двух правил, одно из которых требует определённого окончания (в связи с субстантивацией), а другое неопределённого (в связи с наличием неопределённого местоимения), верх одерживает второе. Обычно в таких случаях прилагательное получает определённое окончание.

Примеры:

42: *Nekas ļauns vairs viņām nevar notikt...* ‘Ничего плохого с ними уже не может случиться...’ (80)

98: *...Aleksandrs uzdrošinājās to uzrunāt un lūgt kaut ko ēdamu* ‘...Александр осмелился заговорить с ним и попросить чего-нибудь съестного’ (81)

(ср.: *kādu nieku ēdamā* (с. 116), *kādu kriksīti ēdamā* (с. 126) ‘какую-нибудь крошку съестного’ — определённое окончание)

108: *...uz krūtīm gulēja kas smags un neizkustināms.* ‘...на груди лежало что-то тяжёлое, что было никак не сдвинуть [о состоянии туберкулёзного больного].’

(82)

К неопределённым местоимениям относится также *jebkāds* ‘любой’, однако его влияние на определённую именную группу ни в одном из

грамматических описаний не упоминается. В проанализированном тексте встретился один пример с неопределённым прилагательным:

34: ...lai izslēgtu jebkādas nevēlamus incidentus... ‘...чтобы исключить любые нежелательные инциденты...’ (83)

Вероятно, можно утверждать, что после этого местоимения прилагательное всегда будет неопределённым.

Отрицательные местоимения

Относительно отрицательных местоимений *nekāds* ‘никакой’, *neviens* ‘никто, ни один’ (в данном случае существенно именно его второе значение) в грамматических описаниях наблюдаются расхождения. Во-первых, местоимение *neviens* упомянуто только в [Kalme, Smiltņiece 2001: 137]. Во-вторых, противоречивы сведения о влиянии местоимения *nekāds* на окончание прилагательного, входящего в ту же именную группу.

Д. Нитиня просто указывает, что прилагательное после этого местоимения употребляется с неопределённым окончанием [Nītiņa 2001: 27], но у неё употребление определённых и неопределённых окончаний прилагательных описано очень кратко и проблемные случаи не учитываются. В академической грамматике местоимение *nekāds* упоминается при описании как неопределённых [MLLVG I: 447], так и определённых прилагательных [MLLVG I: 438]. Во втором случае поясняется, что прилагательное употребляется с определённым окончанием после местоимения *nekāds*, если является частью сказуемого (напр., ...*pašas ēkas arī nebij nekādas jaunās un skaistās* ‘...сами здания тоже совсем не были новыми и красивыми’ (бр. Каудзите)) или определением к существительному, являющемуся частью сказуемого, и при этом в предложении особо подчёркивается отрицание качества (напр., [*Viņš*] *nebij nekāds lielais orators* ‘Выдающимся оратором он не был’ (А. Упит))⁸. Однако ср. пример на употребление после этого местоимения прилагательного в неопределённой форме: *Tā stāstos nav nekāda reta lieta* ‘Это в рассказах совсем не редкость’ (Апсишу Екабс) — он вполне подходит под второй из описанных выше случаев употребления определённого окончания. Подобен ему и третий пример, а вот второй несколько отличается от остальных: *Runas posmiem nebija nekāda tieša, lietišķīga sakara, bet klausītāji to atrada paši* ‘Между отдельными периодами его речи не было никакой прямой, деловой связи, но слушатели находили её сами’ (А. Упит). Дело в том, что в нём местоимение *nekāds* выступает в своём первом значении ‘никакой’, в то время как в остальных примерах оно лишь усиливает отрицание и может быть переведено на русский, например, как ‘вовсе не’, ‘совсем не’. Если в последнем предложении заменить отрицание на утверждение, то слово *nekāds* заменится на *kāds*, а в остальных предложениях после этой операции *nekāds* исчезнет, так как в нём больше не будет надобности. Иными словами, в

⁸ Такое же пояснение относительно местоимения *nekāds* даётся и в [Kalme, Smiltņiece 2001: 138] после утверждения об употреблении с обоими отрицательными местоимениями неопределённого окончания.

последнем примере отрицание относится к сказуемому, а во всех остальных — к определению, зависимому от сказуемого. Это различие явствует также из разницы в употреблении падежа именной части сказуемого: в последнем примере вся именная часть стоит в родительном падеже, а в остальных примерах — в именительном. Ср. толкование слова *nekāds* в [LLVV] и примеры к разным значениям: 1. Указывает на полное отрицание (живого существа, предмета, явления, процесса). *Nav nekādu bēdu*. ‘Ничего страшного’. 2. Указывает на отрицание особенности, признака (живого существа, предмета, явления, процесса). *Nekāds jaunais viņš nebija*. ‘Молодым он совсем не был.’ 3. Такой, который не способен выполнять что-то в соответствии с некими требованиями, нормами. *Viņš nebija nekāds karotājs*. ‘Воин из него был плохой.’

Итак, в случае, когда местоимение *nekāds* употребляется в первом значении, стоящее за ним прилагательное имеет неопределённое окончание, а когда оно употребляется во втором или третьем значении — определённое.

К сожалению, в проанализированном тексте не встретилось ни одного примера, которым можно было бы проиллюстрировать данную закономерность. Единственный случай, когда именная группа включает местоимение *neviens*, не является чистым, так как эта именная группа входит в состав сказуемого, что также может обуславливать неопределённую форму прилагательного:

40: *Viņš nekad nebija bijis nevienas politiskās organizācijas biedrs...* ‘Он никогда не состоял ни в одной политической организации...’ (84)

Об употреблении прилагательного после отрицательного местоимения *nekas* см. выше.

Указательные местоимения *šāds, tāds*

Употребление неопределённого прилагательного после указательных местоимений *šāds, tāds* ‘такой’ трудно объяснить. Казалось бы, они указывают на некую черту, таким образом облегчая для адресата сообщения поиск референта. С другой стороны, они, собственно, не добавляют ничего существенного к значению именной группы, разве что несколько усиливают её эмоциональную наполненность. Ср. пример из [MLLVG I: 448]: *Un apkārt valdīja tāds dziļš klusums, kā tas mēdz būt tikai siena laikā* ‘А вокруг царила такая глубокая тишина, как это бывает только в сенокос’ (В. Плудонис). Местоимение *tāds* как будто предлагает соотнести указанное свойство с неким эталоном, типичной ситуацией, в которой это свойство проявляется или не проявляется таким же образом. Возможно, в этом и заключается причина неопределённости именной группы, включающей такие местоимения: они создают референцию к чему-то абстрактному, к некой общей идее. Это напоминает ситуацию с «общими высказываниями», т. е. именными группами, референтом которых является не конкретный объект как представитель своего класса, а весь этот класс в целом (см. выше).

Примеры:

78: *...liekas tāda nevainīga intelektuāļu aizraušanās ar salonu pļāpām par vienlīdzību un sociālo taisnīgumu*. ‘...кажется, что это такое невинное увлечение

интеллектуалов салонной болтовнёй о равноправии и социальной справедливости.’ (85)

106: ...nerūpēja tādas ārīšķīgas lietas kā kaut minimāla ieslodzīto sociālā dzīve... ‘...не заботили такие внешние вещи как хотя бы минимальная социальная жизнь заключённых...’ (86)

К сожалению, это не чистые случаи употребления местоимений *šāds, tāds*, поскольку в обоих примерах имеются и другие факторы, способствующие выбору неопределённого окончания: в примере (85) прилагательное является частью сказуемого (см. ниже), а в примере (86) использовано словосочетание *tāds kā* ‘такой как’, которое, возможно, следует отнести к сравнительным конструкциям (см. ниже).

Надо отметить, что нигде не упоминается роль относительного местоимения *kāds* ‘какой’ для выбора окончания последующего прилагательного. В тексте встретился один пример, в котором, правда, *kāds* приближается по значению к наречию *cik* (см. ниже):

82: Aivars atceras, kāds svinīgs klusums valdījis klasē, kad literatūras skolotājs Mežgailis puikām lasījis Aleksandra Grīna romānu «Dvēseļu putenis»... ‘Айварс помнит, какая торжественная тишина царила в классе, когда учитель литературы Межгайлис читал мальчишкам роман Александра Гринса «Метель душ»...’ (87)

Не говорится в грамматических описаниях и о словосочетании *šāds tāds* ‘кое-какой’. Скорее всего, после него также должна употребляться неопределённая форма прилагательного. Однако единственный пример, встретившийся в тексте, не может дать этому подтверждения: в нём этим словосочетанием характеризуется возвратное действительное причастие прошедшего времени в форме винительного падежа множественного числа, где оно имеет окончание *-os*, омонимичное определённому окончанию (следовательно, определённость в такой форме не имеет собственного выражения):

103: ...padarīja šādus tādus sakrājušos darbiņus... ‘...сделали кое-какие накопившиеся дела...’ (88)

Частицы *jo, it(in)*

Как утверждается в академической грамматике, прилагательные, усиленные частицами *jo* и *it(in)* ‘довольно, в достаточной степени’, обычно употребляются с неопределённым окончанием [MLLVG I: 448]⁹. Д. Нитиня [Nītiņa 2001: 27] добавляет к этому списку частицу *tik*, хотя, судя по

⁹ Правда, из трёх приведённых в грамматике примеров с частицей *jo* только в одном она используется в этом значении (...*tūdaļ izraisījās jo dzīvas pārrunas* ‘...тут же начались довольно живые беседы’ (Ю. Ванагс)), а в других она является усилителем сравнительной степени прилагательного, означающим ‘всё более, ещё более’ (напр., *Pret citurienes gaišākiem plankumiem jo tumšāka un drūmāka rādījās pašu tuvā ikdienas apkārtnē* ‘По сравнению с более светлыми пятнами других мест ещё темнее и мрачнее казались собственные ближайшие будничные окрестности’ (А. Упит)), и в таких примерах главным основанием для употребления неопределённого окончания является именно форма сравнительной степени.

приведённому примеру: *Pār zaļo zemi tagad jūlijs iet, Tik silta tam un salda dvaša* ‘По зелёной земле сейчас идёт июль, Так тепло и сладко его дыхание’ (Э. Залите), — она имеет в виду не частицу (по [LLVV], четвёртый случай, обозначающий *tikai* ‘только’, из пяти омонимов, которые принадлежат к разным частям речи), а наречие (второй из омонимов), обозначающее ‘такой, настолько’. Таким образом, все три слова (*jo*, *it(in)* и *tik*) обозначают неопределённую степень выраженности признака — возможно, этим и обусловлено употребление после них неопределённого прилагательного. Наречие *tik* часто употребляется в этой роли в составе восклицаний (ср. пример Д. Нитини). Правда, в двух других грамматических описаниях неопределённые прилагательные в восклицательных предложениях обсуждаются отдельно и в примерах слово *tik* не фигурирует, хотя есть предложения со словом *cik* букв. ‘сколько, насколько’ [MLLVG I: 453; Kalme, Smiltņiece 2001: 139] (напр.: *Cik skaists viņš ir!* ‘Как он красив!’ (Р. Блауманис)). Впрочем, в подобных восклицаниях прилагательное является частью сказуемого, и трудно сказать, какой из факторов является определяющим для выбора неопределённого окончания.

В проанализированном тексте встретилось множество именных групп с наречием *tik*, напр.:

39: *Kā tik lieli sagatavošanas darbi varēja paiet nemanīti?* ‘Как такие большие подготовительные работы могли пройти незамеченными?’ (89)

Во многих из них прилагательное является частью сказуемого, напр.:

32: *...toreiz notiekošais viņiem licies tik dīvains, muļķīgs, neīsts...* ‘...происходившее в то время казалось им таким странным, глупым, ненастоящим...’ (90)

92: *Pēc Rīgas ārprāta tik nedabīgs šķita lauku klusums un miers.* ‘После безумия Риги такими неестественными казались деревенская тишина и покой.’ (91)

Иногда присутствуют и другие факторы, способствующие выбору неопределённого окончания, например сравнительная конструкция:

46: *...ka viņus varētu nometināt tik nabadzīgā vietā, kā tās sādžas...* ‘...что их могут поселить в таком нищем месте, как эти деревни...’ (92)

— или синтаксическая роль обстоятельства образа действия (см. ниже):

46: *...tik mazā platībā esot netikumīgi ilgstoši atrasties kopā sievietēm un vīriešiem.* ‘...якобы на такой маленькой площади долго находиться вместе женщинам и мужчинам безнравственно.’ (93)

Ни одного случая именной группы с прилагательным, усиленным частицами *jo* или *it(in)*, в тексте не встретилось. Однако в нём употребляются некоторые другие модификаторы, присваивающие качеству, обозначенному прилагательным, неопределённую степень выраженности, которые при этом не упоминаются ни в одном из грамматических описаний как требующие неопределённого прилагательного. Это, например, наречие *gandrīz* ‘почти’:

34: *Viņi soļoja pa gandrīz tukšām ielām...* ‘Они шагали по почти пустым улицам...’ (94)

— наречие *tikko* ‘едва’:

113: ...pa *tikko* no *jaušamām ceļa paliekām* viņi aizčukāja līdz kolhozam. ‘...по едва угадываемым остаткам дороги они доплелись до колхоза.’ (95)

— и другие, которые, однако, характеризуют прилагательные, стоящие в позиции сказуемого. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что они требуют неопределённого окончания, хотя это весьма вероятно. Это наречия *diezgan* ‘достаточно’, *īpaši* ‘особенно’, *ļoti* ‘очень’, *nedaudz* ‘немного’, *pārāk* ‘слишком’.

Во всех восклицательных предложениях, встретившихся в тексте, используется наречие *cik* (хотя вообще это необязательно, ср. пример *Kas par aukstu vēju!* ‘Какой холодный ветер!’ (В. Плудонис) [MLLVG I: 453]), поэтому имеет смысл привести примеры таких предложений в этом же разделе:

61: *Cik neticami plāna ir šī lieta!* ‘Какое невероятно тонкое это дело [папка с личным делом]!’ (96)

105: *Cik absurda rīcība — lemt tik ekstremāliem dzīves apstākļiem invalīdu!* ‘Какой абсурдный поступок — обречь на столь экстремальные условия жизни инвалида!’ (97)

Сравнительная степень прилагательного

Сравнительная степень прилагательного подразумевает неопределённое окончание (см. выше):

69: *Reizēm steidzamāki darbi bija jādara arī naktī.* ‘Иногда более срочную работу нужно было выполнять и ночью.’ (98)

89: ...*pēc ilgāka klusuma* brīža viņa piemetināja. ‘...добавила она после довольно долгого молчания.’ (99)

113: *Pieturās vairākkārt pie baržas* piestāja mazākas laivas... ‘На остановках к барже несколько раз приставали корабли поменьше...’ (100)

Однако в том случае, когда имеются основания для выбора определённого окончания, эта форма оказывается омонимичной форме превосходной степени, хотя не имеет такого значения (подробнее см. выше).

Сказуемое и определение к сказуемому

Е. В. Падучева приводит как один из типов денотативного статуса именной группы предикатные употребления, т. е. употребления, «при которых именная группа не соотносится ни с какими объектами, а означает свойство»: *Иван врач* [Падучева 1985: 86]. Логично ожидать, что в языках, в которых категория определённости имеет формальное выражение, предикатная именная группа будет неопределённой, поскольку у неё нет референта.

Действительно, по крайней мере о балто-славянских языках можно сказать, что в предикатных употреблениях здесь обычно выступает неопределённая именная группа. Так, К. Лайонз упоминает сербо-хорватский и словенский языки, где разница между определёнными и неопределёнными формами прилагательных постепенно сводится к чисто грамматическим ограничениям, — в частности, неопределённые прилагательные употребляются в позиции предиката [Lyons 1999: 82–83] (похожая ситуация и в шведском

языке [Lyons 1999: 85]). Даже в современном русском, где, казалось бы, полностью утрачено выражение категории определённости через форму прилагательного и единственной употребляемой формой стала определённая, неопределённые (т. е. краткие) прилагательные изредка встречаются в предикативной позиции (напр., *Ботинки мне малы*).

В латышском языке прилагательное в предикативной позиции обычно употребляется в неопределённой форме (если нет условий, требующих определённого окончания, — это уточнение касается, впрочем, также и всех прочих случаев употребления неопределённого окончания). Кроме того, неопределённым должно быть прилагательное, которое является определением к существительному-сказуемому (что понятно, поскольку вся именная группа предиката, с определением или без него, является неопределённой). В качестве связки могут выступать глаголы *būt* ‘быть’, *kļūt*, *tapt* ‘стать’, а также глаголы с ослабленным лексическим значением, всегда требующие именной части, как *likties*, *šķīst* ‘казаться’, *izskatīties* ‘выглядеть’, *pārvērsties* ‘превратиться’, *justies* ‘чувствовать себя’ и т. п.

Примеры:

43: ...Jānis bija kļūvis tālredzīgs ‘...Янис стал предусмотрительным’ (101)

63: Laikam mans vectēvs izskatījās tik izvārdzis... ‘Видимо, мой дедушка выглядел таким измученным...’ (102)

84: Katrs jutās līdzvainīgs notiekošajā... ‘Каждый чувствовал себя совинным в происходящем...’ (103)

86: ...Matilde bija vienkārša lauku sieva... ‘...Матильде была простой крестьянкой...’ (104)

(см. также примеры (14), (90), (91)).

В роли именной части сказуемого могут выступать и адъективированные причастия, и в таком случае при анализе текста часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда неясно, выражено ли сказуемое аналитической формой глагола или это составное именное сказуемое. Причастия, образующие какую-либо аналитическую форму глагола, разумеется, всегда выступают в неопределённой форме и поэтому для данного исследования абсолютно неважны. Таким образом, необходимо отделить аналитические формы глагола от составных именных сказуемых, содержащих причастие. К аналитическим относятся формы страдательного залога (образующиеся из глагола-связки и страдательного причастия) и формы перфектных времён (глагол-связка плюс действительное причастие прошедшего времени). Второй случай не вызывает проблем при поиске составных именных сказуемых, поскольку среди действительных причастий прошедшего времени очень мало адъективированных. В проанализированном тексте встретилось лишь одно частично адъективированное причастие — *izmisis* ‘отчаявшийся’. Однако таких причастий очень много среди страдательных.

Определение степени адъективированности причастия вообще является крупной теоретической проблемой, точных критериев до сих пор не выработано (подробнее см., например, [Nītiņa 2001: 37]). В данной работе был

выбран следующий чисто практический приём. Причастие, которое «подозревалося» в адъективированности, вводилось в строку поиска электронной версии [LLVV]. В случае, если соответствующая статья в словаре отсутствовала, причастие считалось неадъективированным, а сказуемое с ним — простым глагольным. В случае, если статья имелась и в ней в качестве первого значения стояла отсылка к соответствующему глаголу, а далее следовали другие значения, причастие считалось частично адъективированным. В тексте такие причастия редко использовались в качестве элемента аналитической формы глагола, чаще всего они действительно имели одно из значений, появившихся в результате адъективации. В случае, если в статье отсутствовала отсылка к глаголу, от которого произведено причастие, оно считалось полностью адъективированным и сказуемое, содержащее его, — во всех случаях составным именным.

К неадъективированным (однако вызвавшим подозрения) причастиям относится, например, *apbrīnojams* ‘удивительный’.

К частично адъективированным причастиям отнесены следующие: *neizsniedzams* ‘недостижимый’, *nepanesams* ‘невыносимый’, *(ne)pazīstams* ‘(не)знакомый’, *nepieciešams* ‘необходимый’, *nomākts* ‘подавленный, угнетённый’, *nožēlojams* ‘жалкий’, *pamatots* ‘обоснованный’, *pārliecināts* ‘уверенный’, *pieejams* ‘доступный’, *piemērots* ‘подходящий’, *pietiekams* ‘достаточный’, *redzams* ‘видный’, *saprotams* ‘понятный’, *satraukts* ‘взволнованный’, *teicams* ‘отличный’, *zināms* ‘известный’. Несколько примеров:

42: Neziņa bija nepanesama. ‘Неизвестность была невыносимой.’ (105)

68: Ieslodzītie bija satraukti... ‘Заключённые были взволнованы...’ (106)

116: Lai cik mājvieta bija nožēlojama... ‘Каким бы жалким ни было пристанище...’ (107)

Причастие *zināms*, когда оно использовалось в качестве сказуемого в безличном предложении («известно, что...»), считалось адъективированным (и, соответственно, отмечалось как имеющее неопределённое окончание в связи с позицией предиката). Например:

31: No laikabiedru liecībām ir zināms — līdz pēdējam prezidents ticējis... ‘По свидетельствам современников известно — до последнего президент верил...’ (108)

Встретились, однако, и случаи, когда частично адъективированное причастие использовалось для образования формы глагола. Например:

44: Pūlī bija redzamas paziņu sejas. ‘В толпе были видны лица знакомых.’ (109)

102: ...Aleksandra paraksts uz protokola ir gandrīz nepazīstams... ‘...Подпись Александра на протоколе почти неузнаваема...’ (110)

К полностью адъективированным причастиям отнесены *bīstams* ‘опасный’, *ieinteresēts* ‘заинтересованный’, *iespējams* ‘возможный’.

Примеры:

71: ...nometnes priekšniecība ... bija ieinteresēta, lai «ārpusbilances invalīdi» ātrāk nomirst... ‘Руководство лагеря ... было заинтересовано в том, чтобы «инвалиды вне баланса» быстрее умерли...’ (111)

84: ... tāds masu slepkavību arjomus noslēpt nebija iespējams. ‘...такие объёмы массовых убийств скрыть было невозможно.’ (112)

Во многих случаях группа сказуемого была гораздо более распространённой, с большим количеством зависимых слов. Очевидно, все прилагательные, входящие в состав группы сказуемого (являющейся неопределённой), должны употребляться с неопределённым окончанием. Ср. некоторые примеры случаев, когда прилагательное является определением к определению к именной части сказуемого:

33: Tas nebija mirstīga cilvēka spēkos... ‘Это было не под силу смертному человеку...’ (113)

(*nebija spēkos* — сказуемое, *cilvēka* — несогласованное определение к сказуемому, *mirstīga* — определение к этому определению)

119: Katrs no tiem [kartupeļu gabaliņiem un mizu izgriezumiem] bija mazs varonīgas gribas piepūles apliecinājums un izsalkušajam vēderam atrauts neaizstājams kumoss ‘Каждый из них [кусочков картофеля и шелухи] был маленьким свидетельством мощного усилия воли и отобранном у голодного желудка невозполнимым куском’ (114)

(*bija apliecinājums un kumoss* — однородные сказуемые, *mazs* и *piepūles* — определения к первому сказуемому *apliecinājums*, *varonīgas* и *gribas* — два определения к *piepūles*; причастие *izsalkušajam* стоит в определённой форме, видимо, в связи с тем, что это повторное упоминание объекта).

Обстоятельство

В академической грамматике употребление неопределённого прилагательного в роли обстоятельства описано очень подробно и развёрнуто, однако многие примеры вызывают сомнение. Комментарий «В таких случаях прилагательное не воспринимается как определение к главному слову, которое от этого главного слова можно отделить, но оба слова воспринимаются как тесно связанные в одно целое и только вместе они выражают обстоятельство протекания действия» [MLLVG I: 450] можно отнести далеко не ко всем приведённым в грамматике примерам. Этот же комментарий почти дословно повторяют В. Калме и Г. Смилтниеце [Kalme, Smiltniece 2001: 139], однако приводят более удачные примеры. Пожалуй, это правило применимо в первую очередь к тем случаям, когда существительное, обозначающее обстоятельство, является «пустым», а собственно содержание заключено в прилагательном. Тогда такое словосочетание действительно воспринимается как неделимое и при удалении прилагательного предложение теряет смысл. Вот несколько типичных примеров:

44: Emilija ... klusā, skumjā balsī teica... ‘Эмилия ... сказала тихим, грустным голосом...’ (115)

86: ...virkne VDK publikāciju, kas pārsteidzošā kārtā kļuva par «avotu» daudziem holokausta pētniekiem. ‘...ряд публикаций КГБ, которые поразительным образом стали «источником» для многих исследователей Холокоста.’ (116)

105: Rakstu guļošā stāvoklī un tāpēc laikam neskaidri. ‘Пишу лёжа и поэтому, наверное, неразборчиво.’ (117)

В других примерах неотделимость прилагательного от существительного не всегда столь очевидна, но она выводится из контекста:

27: No lidotāju un tuvējo kaimiņu vīru satrauktajām runām viņš pirmo reizi dzirdējis, ka krievi ienākuši Rīgā, stacijas laukumā esot tanki, Maskavas forštatē staigājot ar sarkanām karogiem... ‘Из взволнованных речей лётчиков и ближних соседей он впервые услышал о том, что русские вошли в Ригу, на вокзальной площади танки, в Московском форштате ходят с красными флагами...’ (118)

Прилагательное действительно невозможно выбросить из предложения, так как оно несёт основную смысловую нагрузку: мужчин беспокоит не то, что кто-то ходит с флагами, но именно то, что эти флаги красные (т. е. они символизируют приход коммунистической власти).

Иногда прилагательное настолько важно, что без него предложение приобрело бы противоположный смысл:

99: Mežā viņu gaidīja droša nāve, jo ar saugām plaušām [ar tuberkulozi] tur pārdzīvot ziemu nebija izredžu. ‘В лесу его ждала верная смерть, потому что с дырявыми лёгкими [с туберкулёзом] пережить там зиму шансов не было.’ (119)

118: ...Dubultu ģimnāzijas ballē, kad vecāko klašu zēni un pašas brāļu draugi bija sacentušies, kurš drīkstēs dancināt spridzīgo Dreifelda jaunkundzi. Citas meitenes ar skābu smaidu vēroja notiekošo... ‘...на балу в дубултской гимназии, когда мальчики из старших классов и друзья её братьев соперничали за право пригласить на танец задорную юную Дрейфелде. Другие девочки с кислой улыбкой наблюдали за происходящим...’ (120)

Впрочем, встретилось несколько случаев нарушения этого правила, которые вряд ли можно объяснить референцией к уже упомянутому объекту или другими факторами — ведь в прочих примерах такие факторы не мешают употреблению неопределённой формы прилагательного:

32: Noliktajā dienā un stundā drošminieku nebija daudz, bet vēl vairākas dienas cilvēki pa vienam, diviem devās pie pieminekļa ‘В назначенный день и час храбрцов оказалось немного, но ещё несколько дней люди по одному, по двое отправлялись к памятнику’ (121)

(возможно, определённая форма прилагательного объясняется желанием автора подчеркнуть контраст: «в назначенный день» — «ещё несколько дней»);

53: Jānis ilgajos dzīves gados bija iemīlējis Krieviju... ‘Янис за долгие годы жизни полюбил Россию...’ (122)

Глагольно-именной определитель

Глагольно-именной определитель в латышской традиции имеет название «dubultloceklis» («двойной член»), поскольку он обозначает такой член предложения, который одновременно выполняет две синтаксические роли — чаще всего определения и обстоятельства (например, *Mātē sīdīt хмурая*). Ср. латышский пример: *Tas uzlēca katedrā žigls un veikls* ‘Он взлетел на кафедру проворно и ловко’ (А. Упитс) [MLLVG I: 450].

Примеры из текста:

18: Arī Kaimiņu ģimene 1920. gadā sveika un vesela iekārtojās uz dzīvi kara rapostītājā Rīgā. ‘Семья Кайминьш тоже в 1920 году живая и здоровая поселилась в разорённой войной Риге.’ (123)

67: Ligita aizvainota iešņukstējās... ‘Лигита обиженно всхлипнула...’ (124)

83: Februāra salā viņi bija nosaluši zili... ‘На февральском морозе они замёрзли так, что посинели...’ (125)

125: ...ar katru dienu ceļbas pazudušo atrast dzīvu gāja mazumā... ‘с каждым днём надежды на то, что пропавшая отыщется живой, уменьшались...’ (126)

Видимо, так же можно трактовать и следующее употребление:

113: ...Ligita Kalniete, dzimusi Dreifelde... ‘...Лигита Калниете, урождённая Дрейфелде...’ (127)

Ни в одном из грамматических описаний не даётся указаний относительно окончания прилагательного в дательном падеже, стоящего после инфинитива. Эта конструкция представлена, например, словосочетанием *būt laimīgam* ‘быть счастливым’ или примером из текста *Pēterim bija ... laime arī šim karam iziet cauri neskartam* (с. 18) ‘Петерису посчастливилось и эту войну пройти не пострадав (букв. «нетронутым»)’. Очевидно, в такой позиции прилагательное всегда будет иметь неопределённое окончание, поскольку подобные словосочетания представляют собой «свёрнутую» конструкцию, которая в случае с глаголами-связками типа *būt* разворачивается в предложение, где прилагательное стоит в предикативной позиции (*viņš ir laimīgs* ‘он счастлив’), а с прочими глаголами — в предложение, содержащее глагольно-именной определитель (*viņš arī šim karam izgāja cauri neskarts* ‘он и эту войну прошёл не пострадав’). Оба варианта предполагают неопределённую форму прилагательного.

Сравнение

В сравнительной конструкции прилагательное всегда употребляется в неопределённой форме, как в качестве опорного признака (*karsta kā uguns* ‘горячая, как огонь’), так и в роли определения при объекте, с которым сравнивается (*sniegs kā balti tauriņi* ‘снег, как белые мотыльки’) [MLLVG I: 452–453; Kalme, Smiltņiece 2001: 139; Nītiņa 2001: 28]. Это вполне понятно — ведь сравнительная конструкция не даёт референцию к какому-то конкретному объекту, а отсылает к некоему образцу. Возможно, именная группа, обозначающая объект, с которым сравнивают, является «общим высказыванием», так как её содержание — это весь класс с присущими ему исключительными свойствами. Ср. высказывание Е. В. Падучевой о родовом употреблении именной группы, когда она «соотносится с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным», и некоторые примеры на этот случай, представляющие из себя сравнительную конструкцию или её аналог: «...б. Он поступил как мужчина; в. Скорпион похож на кузнечика; ... д. Глаз у этой рыбы имеет форму груши» [Падучева 1985: 97].

Примеры из проанализированного текста:

17: *Baltijas jūrā ūdens bija silts kā piens...* ‘Вода в Балтийском море была тёплой, как молоко’ (здесь прилагательное также входит в состав сказуемого) (128)

66: *...uzmanību piesaistīja vārnu ķērķšana. Tās kā melns mākonis lidinājās virs tālumā vīdošām ēkām.* ‘...внимание было привлечено карканьем ворон. Они, как чёрное облако, реяли над виднеющимися вдалеке зданиями.’ (129)

97: *...taču vectēvs skrēja kā vājprātīgs.* ‘...однако дедушка бежал, как сумасшедший.’ (130)

Очевидно, если союз *kā* ‘как’ употребляется в значении ‘в качестве’, прилагательное всё равно должно иметь неопределённую форму:

22: *...kuros viņu priekšteči gadsimtiem bija strādājuši kā beztiesīgi dzimtcilvēki...* ‘...на которых их предки веками трудились, как бесправные крепостные...’ (131)

31: *...bija sevi pierādījis kā īpaši dedzīgs Staļina represiju īstenotājs.* ‘...проявил себя как человек, особенно рьяно осуществлявший сталинские репрессии.’ (132)

120: *...apmetne taigā palikusi atmiņā kā gaišs starpbrīdis Biļinas bezcerībā.* ‘...жизнь в тайге осталась в памяти как светлый промежуток в безнадёжности Былина.’ (133)

Обособленное определение после определяемого слова

Прилагательное в роли обособленного определения, стоящего после определяемого слова, обычно употребляется в неопределённой форме [MLLVG I: 452]. Видимо, это касается и причастия в такой же позиции, о чём, однако, не упоминает ни одно грамматическое описание (так как вопросы употребления определённых и неопределённых окончаний причастий обычно не рассматриваются ни в главе, посвящённой прилагательным (в разделе об употреблении определённых и неопределённых окончаний), ни в главе, посвящённой причастиям).

В грамматике упоминается также о неопределённом прилагательном, которое служит определением обособленному существительному. При этом предлагается различать случаи, когда это существительное выражает более широкое понятие, чем определяемое им слово, и когда оно выражает «определённый, известный предмет» [MLLVG I: 452]. Такое противопоставление, основанное на двух различных признаках, разумеется, не позволяет однозначно отнести конкретное предложение к той или иной группе, поэтому среди примеров первой и второй группы встречаются предложения, практически эквивалентные в смысле структуры и отношений определяемого существительного с существительным-определением. Ср. пример на первый случай: *Lūk, Kalniņš, gaišmatains, pamazs puisis, atnācis uz skolu ar ciešu arņemtšanos kļūt par mūrnieku...* ‘Вот, Калниньш, светловолосый невысокий паренёк, пришёл в школу с твёрдым решимостью стать каменщиком...’ («Rītdienas cēlāji») — и пример на второй случай: *...tur bija māte, mazā, vienmēr nopietnā sieviete, kas viņu gērba un ēdināja, un tur bija tēvs ... lielais, stiprais, vienmēr laipnais vīrs* ‘...там была мать, маленькая, всегда серьёзная женщина, которая его одевала и кормила, и там был отец ... большой, сильный, всегда вежливый мужчина’ (В. Лацис).

Несколько примеров обособленного определения, стоящего после определяемого слова, из проанализированного текста:

9: Manu tēvu, Aivaru Kalnieti, septiņpadsmitgadīgu jaunekli, kopā ar vecmāmiņu Mildu... ‘Моего отца Айварса Калниетиса, семнадцатилетнего юношу, вместе с бабушкой Милдой...’ (134)

89: Mans tēvs atceras mūžīgo izsalkumu, kas viņu, augošu pusaudzi, bija mocījis. ‘Мой отец помнит вечный голод, который мучил его, растущего подростка.’ (135)

125: Tā bija naiva pašiedvesma, pilnībā atrauta no īstenības, taču tā palīdzēja cerēt un izturēt. ‘Это было наивное самовнушение, полностью оторванное от реальности, однако оно помогло выжить и выдержать.’ (136)

Сюда же, видимо, можно отнести следующую конструкцию:

96: ...kad pārgājis pie Oļģerta Stūra, saukta Labieša... ‘...когда перешёл к Ольгерту Стурису по прозвищу Лабиец...’ (137)

124: ...izsūtītais vācietis Kaufmanis, saukts par Kaufti... ‘...ссылный немец Кауфманис по прозвищу Кауфитис...’ (138)

В ходе анализа полученного материала возник вопрос, не подчиняются ли обособленные прилагательные, стоящие перед определяемым словом, тому же правилу. Такие прилагательные действительно тоже употребляются обычно в неопределённой форме, но причина этого, видимо, всё же в другом. Ср.:

42: Enerģisks un lietišķs, viņš tūlīt sāka rīkoties. ‘Энергичный и деловой, он немедленно начал действовать.’ (139)

124: Laimīgas, Emīlija un Līgita apskāvās un sāka raudāt. ‘Счастливые, Эмилия и Лигита обнялись и зарыдали.’ (140)

К этим прилагательным можно подставить полупричастие *būdam* ‘будучи’ без изменения смысла предложения. Тогда обособленный оборот будет представлять из себя «свёрнутое» полное предложение (напр.: *Būdam enerģisks un lietišķs...* ‘Будучи энергичным и деловым...’ = *Viņš bija enerģisks un lietišķs un tāpēc...* ‘Он был энергичным и деловым и потому...’), в котором прилагательные будут входить в состав сказуемого — и именно поэтому они в такой позиции всегда будут неопределёнными.

Определение к определению, выраженному существительным, стоящим после определяемого слова

Это достаточно специфический случай. Даже в грамматике, которая единственная из всех имеющихся описаний его упоминает, приведён только один пример: *Pirms kāds paspēja izkāpt, vagonā sabira nesēju bars rupjos priekšautos un augstās cepurēs ar numuru priekšā.* ‘Прежде чем кто-нибудь успел выйти, в вагон набилась толпа носильщиков в грубых фартуках и высоких шапках с номерами на груди.’ (А. Саксе) [MLLVG I: 451].

В тексте встретилось несколько подобных конструкций. Например:

41: ...cepure ar apaļu malu... ‘...шляпа с круглыми полями...’ (141)

43: ...apskata senlaicīgus sudraba galda piederumus ar nepazīstamu, pašu ģimenei nepiederīgu monogrammu ED — Emīlija Dreifelde ‘...рассматривают

старинные серебряные столовые приборы с незнакомой, не принадлежащей их семье монограммой ED — Эмилия Дрейфелде’ (142)

(*ar monogrammu* — определение к *piederumus*, *nepazīstamu* и *nepiederīgu* — определения к этому определению);

79: ...kastīti ar nomauktiem cilvēka nagiem... ‘...коробочку с вырванными человеческими ногтями...’ (143)

(*ar nagiem* — определение к *kastīti*, *nomauktiem* — определение к *nagiem*).

Пример (141) на самом деле несколько сомнителен, так как определение «с полями» к слову «шляпка» так же бессмысленно, как обстоятельство образа действия «голосом» в примере (115). Видимо, здесь всё словосочетание *ar apaļu malu* является определением.

Повтор прилагательного с целью усиления

В грамматических описаниях обычно приводятся конструкции типа *ilgas ilgas dienas* ‘долгие, долгие дни’. В проанализированном тексте встретился пример словосочетания, в котором усиление создаётся не только за счёт повторения прилагательного, но и благодаря добавлению частицы *jo*:

39: ...loru vagoni ... virknēti garos jo garos sastāvos... ‘...вагоны для скота ... соединяют в длинные-длинные составы...’ (144)

Фразеологизмы

Во фразеологических словосочетаниях прилагательное, как правило, употребляется с неопределённым окончанием [MLLVG I: 453–455; Nītiņa 2001: 28]. Это вполне понятно: такие именные группы являются метафорическими и не подразумевают вообще никакой референции. Ср.:

23: ...tā ir bēgšana no grīms to ša kuģa. ‘...это бегство с тонущего корабля.’ (145)

89: ...tādas lietas tikai par smukām acīm nenotiek... ‘...этого просто так, за красивые глаза, не делают...’ (146)

120: ...spēja gan salasīt uzlikto normu [ogu], gan pieēst pilnu vēderu... ‘...успели и собрать назначенную норму [ягод], и наестся до отвала...’ (147)

Конструкции со значением размера

Для латышского языка характерны конструкции со значением размера, возраста, цены и т. п., имеющие следующую структуру: словосочетание, обозначающее саму величину, в винительном (реже родительном) падеже плюс подходящее по смыслу качественное прилагательное (*высокий*, *длинный* и т. п.) в том падеже, которого требует управление. Примерным аналогом таким конструкциям в русском языке являются сочетания *длиной в метр* и т. п.

Ни в одном грамматическом описании не отмечено, что в этих конструкциях главное прилагательное, как правило, будет стоять в неопределённой форме. Например:

63: ...tirgotava ar 12000 latu lielu gada apgrozījumu... ‘...лавка с годовым оборотом 12000 латов...’ (148)

74: ...6 metrus augstu koka krustu... ‘...деревянный крест высотой 6 метров...’

(149)

78: ...pēc gandrīz gadu ilgā pārtraukuma... ‘...после почти годичного перерыва...’

(150)

Употребление прилагательных в зависимости от содержания текста

Как видно из предыдущих глав, существует довольно большое количество грамматических и лексических контекстов, однозначно требующих определённого или неопределённого окончания прилагательного. Видимо, в таких ситуациях носитель языка не задумываясь употребляет ту или иную форму, не вкладывая в неё никакого особенного семантического содержания, свойственного категории определённости. Но, несмотря на такое большое количество «ограничителей», в реальном тексте всё же очень часто возникают ситуации, когда выбор окончания делается осмысленно и выражает некий замысел говорящего.

Первое / повторное упоминание

Классическое противопоставление, связанное с определённой / неопределённой именной группой, базируется на том, упоминается ли референт этой именной группы в первый или не в первый раз.

На самом деле «повтор» может пониматься в очень широком смысле, поскольку определёнными становятся не только именные группы, вновь говорящие о том же самом предмете, но и те, которые называют часть этого предмета, результат упомянутого действия, само собой разумеющееся следствие упомянутого явления... И этот список далеко не полон. Иными словами, «повторение» может основываться на ассоциативной связи, понимаемой очень широко.

С этим явлением связан взгляд на определённую, известный как теория известности. У К. Лайонза она представлена конспективно [Lyons 1999: 3–5], с отсылками к более подробным изложениям: впервые теория была полностью освещена в [Christophersen 1939], а основная из работ последнего времени — [Hawkins 1978]. На примере английского языка теория известности иллюстрируется следующим образом: употребляя определённый артикль *the*, говорящий даёт адресату сигнал о том, что объект, обозначаемый именной группой, известен обоим участникам разговора, а неопределённый артикль *a* используется, когда говорящий не хочет сообщать об этой обоюдной осведомлённости.

Анафорическое употребление

Простейший пример именной группы, которая является определённой в связи с тем, что её референт известен адресату сообщения, — это, собственно, повторное упоминание того объекта, о котором уже шла речь в тексте¹⁰. С этого

¹⁰ По Е. В. Падучевой, «текстовая определённая» [Падучева 1985: 88]. Там же упоминается и возможность внетекстовой определённости, т. е. определённости первого упоминания.

случая обычно начинаются описания употребления определённых окончаний прилагательных в латышском языке [MLLVG I: 435; Kalme, Smiltņiece 2001: 140; Nītiņa 2001: 30], то же касается описаний употребления неопределённых окончаний при первом упоминании [MLLVG I: 446; Kalme, Smiltņiece 2001: 137; Nītiņa 2001: 27]. В проанализированном тексте, разумеется, встретились такие примеры, обычные для любого связного повествования. Например, в третьей главе «Ссылка», в эпизоде прибытия арестованных к поезду, на котором их отправят в Сибирь, описывается внутреннее устройство вагона:

44: Tā [vagona] abos galos uz ātru roku bija uzstātas viena virs otras divas platas lažas. Augšā virs guļvietām bija pa mazam aizrestotam lodziņam. Starp lažām vagona vidusdaļā bija atstāts tukšāks laukums un pie ārsienas izveidots caurums dabisko vajadzību kārtošanai. Turpat tam līdžās gar sienu bija nokrauta grēda ar rupjmaizes kriegelīšiem. ‘В обоих его [вагона] концах на скорую руку были сколочены одна над другой двое широких нар. Наверху над спальными местами было по маленькому зарешёченному окошку. Между нарами в середине вагона было оставлено пустое место, а у стены проделано отверстие для отправления естественных потребностей. Там же рядом с ним вдоль стены была сложена груда буханок ржаного хлеба.’ (151)

Прилагательные и причастия в этом отрывке стоят в неопределённой форме. В дальнейшем при повторных упоминаниях названных здесь предметов (*lodziņš*, *caurums*, *rupjmaize*) будут использоваться определённые прилагательные. Ср.:

45: ...kas aiz kautrības nespēja sevi piespiest iet pie tumšā, pretīgi dvakojošā cauruma. ‘...которые от застенчивости не могли себя заставить подойти к тёмному, отвратительно пахнущему отверстию.’ (152)

45: Laiku pa laikam kāds pakāpās augšā pie aizrestotā lodziņa... ‘Время от времени кто-нибудь забирался наверх к зарешёченному окошку...’ (153)

46: ...vagonā sakrautā maize sāka pelēt. ‘...сложенный в вагоне хлеб начал плесневеть.’ (154)

46: ...tās sādžas, kas bija redzamas pa aizrestoto lodziņu. ‘...те деревни, которые были видны сквозь зарешёченное окошко.’ (155)

Ср. в той же главе первое упоминание о бальных туфельках, подаренных будущей матери автора в вечер накануне ареста (это событие и дало название всей книге):

41: Arī viņam [brālim] bija dāvana māsiņai — brīnišķīgas zamša augstpapēžu kurpes ar koņķa zoli. ‘У него [брата] тоже был подарок для сестрички — великолепные замшевые туфли на высоком каблуке с пробковой подошвой.’ (156)

— и повторное упоминание этих туфелек в восьмой главе «Поселение и голод», то есть очень далеко от их первого появления в тексте:

113: Lai saudzētu savus vienīgos apavus — izvešanas priekšvakarā brāļa dāvinātās kurpes, mamma tās novilka. ‘Чтобы сберечь свою единственную обувь — туфли, подаренные братом вечером накануне высылки, — мама разулась.’ (157)

Разумеется, употребление прилагательного при именной группе, впервые вводящей некий предмет в поле зрения читателя, совершенно необязательно, в этом случае о её неопределённости можно лишь догадаться. Как бы то ни было, при повторном упоминании именная группа, вершиной которой является существительное, обозначающее тот же самый предмет или лицо, будет определённой:

62: Ar mana vectēva apsūdzības sacerēšanu nodarbojās čekists Vids ... Godprātīgo čekistu Vidu nemaz nemulsināja apstākļi ... <63> Laikam mans vectēvs izskatījās tik izvārdzis, ka daudzpieredzējušais čekists nodomāja — tas jau tāpat drīz nosprāgs... ‘Сочинением обвинения против моего дедушки занимался чекист Видс... Честного чекиста Видса совершенно не смутило то обстоятельство... <63> Видимо, мой дедушка выглядел таким измученным, что многое повидавший чекист подумал — этот и так скоро сдохнет...’ (158)

Не следует, однако, путать кажущееся повторное упоминание лица или объекта с вставленным в повествование высказыванием общего характера о том классе, представителем которого является это лицо. Такие высказывания не имеют референции, и обозначающие их именные группы всегда неопределённые. Ср. повторное упоминание о допросе, с которым связаны процитированные выше предложения, когда в тексте вновь появляется тот же персонаж:

73: Jāšaubās, vai 17. decembrī, kad Jānis Dreifelds beidzot tika izsaukts uz pratināšanu, izmeklētājs Vids bija tik žēlīgs, lai šim «eksploatoram un sociāli bīstamajam elementam» kaut ko atklātu par manas vecmāmiņas un mammas izsūtījuma apstākļiem. Īsts padomju čekists bija šķiru cīņās rūdīts un nepazīna līdzjūtību pret šķiras ienaidnieku. ‘Сомневаюсь, что 17 декабря, когда Янис Дрейфелдс был наконец вызван на допрос, следователь Видс был настолько милосердным, чтобы что-то открыть этому «эксплуатору и социально-опасному элементу» об условиях ссылки моей бабушки и мамы. Настоящий советский чекист был закалён в классовых сражениях и не знал жалости к классовому врагу.’ (159)

Неопределённое окончание прилагательного *īsts* подчёркивает, что в последнем предложении даётся не характеристика следователя Видса, а общее (несколько карикатурное) представление о типичном советском чекисте. Хотя в принципе замещение личного имени человека его характеристикой через профессию или другие признаки возможно — но в этом случае такая характеристика будет обозначаться определённой именной группой, дающей адресату указание искать референт в ближайшем контексте. Ср.:

79: ...kurā pie sienas bija Dzeržinska portrets. Dižais čekists augstprātīgā vienaldzībā noskatījās... ‘...в котором на стене висел портрет Дзержинского. Великий чекист с надменным равнодушием смотрел...’¹¹ (160)

Неопределённость именной группы, обозначающей упоминаемый впервые предмет, особенно ярко иллюстрируется примерами, где этот предмет

¹¹ Возможно, данный пример не слишком удачен, поскольку слово *dižs* ‘великий’ фактически относится к «постоянным эпитетам» и в силу своей семантики часто употребляется с определённым окончанием, имеющим значение усиления признака (см. ниже).

характеризуется прилагательным *jauns* ‘новый’, призванным обратить внимание адресата на новую информацию:

91: Bija tik baigi klausīties, kā bumbvedēju rūkoņa kļūst arvien skaļāka. Tad sākas pirmie sprādzieni: Vuh! Vuh! Vuh! Un katrreiz galvā tikai viena doma — šoreiz trāpīs. *Jauns* «*Vuh!*», un atkal tās pašas bezdibenīgās bailes. ‘Было так страшно слышать, как рёв бомбардировщиков становится всё громче. Потом начались первые взрывы: бах! бах! бах! И каждый раз в голове только одна мысль — в этот раз попадёт. Новое «бах!», и снова тот же бездонный страх.’ (161)

Любопытно, что встречаются случаи, когда предмет упоминается повторно и тем не менее обозначается неопределённой именной группой — причину этого можно условно назвать «сменой точки зрения».

Анализируемая книга, безусловно, является публицистической, а не художественной. Рассказчица в основном излагает то, что она услышала от родственников или узнала из архивных документов, однако при этом старается показывать события глазами их участников, передавать эмоции и мысли своих персонажей. О любом эпизоде книги можно точно сказать, с чьей точки зрения он подан. В тоне и стиле рассказчицы чувствуется стремление каждый раз поставить себя на место того человека, судьбе которого посвящена очередная глава. Это иногда даёт интересные эффекты чисто грамматического характера.

Как мы помним, определённая именная группа используется тогда, когда говорящий хочет указать адресату на то, что референт этой именной группы ему известен или он может его идентифицировать. В частности, автор анализируемого текста обозначает определённой именной группой предметы, ранее упоминавшиеся в тексте. Однако если в конкретном эпизоде центральный персонаж этого эпизода впервые сталкивается с неким явлением, о котором читатель уже знает из предыдущего повествования (поскольку об этом явлении рассказывалось в связи с другим персонажем), такое явление может обозначаться неопределённой именной группой, что подчёркивает удивление, растерянность, шок персонажа. Создаётся своеобразный «эффект остранения».

Например, в начале седьмой главы «Прошу меня расстрелять или оправдать» рассказывается о том, как Александрс (дедушка автора), призванный в легион, после поражения Германии и роспуска легиона присоединился к партизанам («лесным братьям»), однако осенью 1945 года тайно вернулся в Ригу и появился в своей прежней квартире. Упоминается о лишениях, пережитых им на пути в Ригу (например, о том, что у него не было обуви и он обматывал ноги тряпками, и т. п.). После фразы о том, что он достиг Риги 30 октября, действие переносится в его квартиру, и его возвращение домой показано глазами сына Айварса (будущего отца автора), который открыл ему дверь:

98: Aivars steidzīgi atvēra durvis. No virtuves plūstošā gaisma uz tumšās kāpņu telpas fona izgaismoja Aleksandra stāvu. Viņa āriene bija atbaidoša — ģērbies netīrās, noskrandušās maisa drēbēs ar malkas zāģi pāri plecam. Daļu ar bārdu apaugušās sejas nosedza jocīga vatēta cepure, taču visbēdīgāk izskatījās kājas, kas bija ievīstītas lupatās un notītas ar auklām. Tā mans vectēvs Aleksandrs atgriezās mājās. ‘Айварс

торопливо открыл дверь. Льющийся из кухни свет высветил на тёмном фоне лестничной клетки фигуру Александра. Он выглядел отталкивающе — одетый в грязную, рваную холщовую одежду, с пилой через плечо. Часть заросшего бородой лица закрывала смешная ватная шапка, однако ужаснее всего выглядели ноги, обмотанные тряпками и перевязанные верёвками. Так мой дед Александр вернулся домой.’ (162)

Несколькими абзацами ранее уже упоминалась одежда из холстины, которую дали Александру какие-то деревенские жители. Однако в приведённом отрывке именная группа, обозначающая одежду, неопределённая. С помощью этого нюанса, а главное, тема-рематической организации предложений в описании портрета автор показывает облик героя глазами внешнего наблюдателя (в качестве такого наблюдателя выбирается встречающий его в дверях сын).

Через некоторое время Александра арестовывают и после следствия и суда высылают. Он проделывает тот же путь, который до него проделали многие другие и который уже был описан в одной из предыдущих глав, когда рассказывалось о другом дедушке автора — отце матери:

104: Tāpat kā manam mātes tēvam Jānim Dreifeldam, arī Aleksandram bija jāpārcieš ilgs brauciens pārpildītā lopu vaгонā. ‘Также, как и отцу моей матери Янису Дрейфелдсу, Александру надо было перенести долгий путь в переполненном вагоне для скота.’ (163)

Именные группы с вершинами «путь» и «вагон» отсылают к уже известным читателю объектам (в данном случае несущественно, что герой следует не именно в том вагоне, в котором за пять лет до него ехал Янис Дрейфелдс). Однако Александр оказывается в этой ситуации впервые, поэтому в предложении используются неопределённые формы прилагательных.

Общие знания

Возможность определённой референции может быть основана на **общих знаниях**. Это означает, что говорящий предполагает у адресата тот же набор «фоновых знаний», которым обладает он сам¹². Поэтому в какой-то ситуации он употребляет определённую именную группу, рассчитывая, что адресат, имея те же представления об окружающем мире и действующих в нём законах, правильно восстановит референт.

Иногда такая определённая референция словно предвосхищает ход мыслей адресата сообщения. Например, в проанализированном тексте встретился следующий эпизод. Героиня, пожилая женщина (бабушка автора), живя на поселении в Сибири, однажды зимой заблудилась в лесу на пути из одного посёлка в другой. Сообщается, что её искали три дня и шансы найти её живой всё уменьшались, поскольку стоял тридцатиградусный мороз. Однако на четвёртый день её всё же нашли неподалёку от посёлка, и она была жива. В следующем абзаце в центре повествования оказывается сама героиня и её

¹² Выражение «общие знания» в данном случае подразумевает не «знания, общие для говорящего и адресата», а «знания общего характера».

мысли во время блуждания по лесу. Она знала, что единственное средство спастись — всё время двигаться, не поддаваясь желанию лечь и уснуть.

Из общих знаний о мире, из жизненного опыта и прочитанных книг практически любому возможному читателю книги известно, что люди, заблудившиеся зимой в лесу или в горах, часто погибают именно от того, что, переставая контролировать себя, ложатся в снег и замерзают во сне. Поэтому при чтении данного эпизода у читателя наверняка возникнут ассоциации со слышанным ранее и он будет ожидать какого-то замечания о том, как героине удалось или не удалось преодолеть соблазн поддаться сну. Это замечание действительно появляется:

125: *Viņa nedrīkstēja ļauties kārdinošajam miegam, atlaisties sniegā un aizmigt.*
'Она не смела поддаться соблазнительному сну, лечь в снег и уснуть.' (164)

Именная группа, вершиной которой является слово «сон», здесь определённая, поскольку всем предыдущим повествованием адресат подготовлен к её появлению.

Видимо, сюда же относятся и именные группы, отсылающие к каким-либо **историческим фактам**, которые, как предполагает говорящий, должны быть известны адресату, если он вырос в той же культурной среде. Ср., например, рассказ о положении в Латвии во время Первой мировой войны:

54: *...Trīs gadus Latvijas teritorijai gāja pāri frontes līnija. Avīzes rakstīja par jaunuzveidoto latviešu strēlnieku vienību varonīgajām cīņām pret vācu armiju Nāves salā. Avīzēs gan nekas nebija teikts par milzīgajiem zaudējumiem, kurus cieta strēlnieki un civiliedzīvotāji.* '...Три года через территорию Латвии проходила линия фронта. В газетах писали о героических сражениях сформированных частей латышских стрелков с немецкой армией на Острове смерти. Однако газеты ничего не сообщали об огромных потерях, которые несли стрелки и гражданское население.' (165)

Образование Латышской стрелковой дивизии и её действия в Первой мировой войне (а также последующих конфликтах на территории Латвии и России) — одна из важных вех в истории Латвии, эти события подробно изучаются историками, рассматриваются в художественной литературе и кино, и, безусловно, представление о них имеется у любого латыша. Во всяком случае, об образовании соединений латышских стрелков и о крупных потерях среди бойцов этих частей и среди местных жителей (как, впрочем, и среди прочих людей, так или иначе оказавшихся на линии фронта), безусловно, известно абсолютному большинству возможных читателей книги. Поэтому референция определённых именных групп оказывается успешной — адресат сообщения знает, к каким фактам они отсылают¹³.

Следует упомянуть также такой любопытный факт: именные группы, в которых слово, являющееся вершиной, обозначает государственный флаг, во всех случаях, встретившихся в тексте, являются определёнными:

¹³ Прилагательное *varonīgajām* из примера (165) в данном комментарии не рассматривается, поскольку его определённая вызвана в первую очередь позицией в посессивной конструкции.

78: ...un ielās plīvoja sarkanbaltsarkanais karogs. Gan līdžās Lielvācijas sarkanajam ar melno kāškrustu centrā, taču tas nacionālā karoga skaistumu latviešu apziņā tobrīd neaizēnoja. ‘...и на улицах развевался красно-бело-красный флаг [государственный флаг Латвии]. Хоть и рядом с немецким красным с чёрной свастикой в центре, но это в тот момент не затмевало в сознании латышей красоту национального флага.’ (166)

80: Tāpat kā padomju laikā, Latvijas valsts proklamēšanas dienu 18. novembrī bija aizliegts svinēt. Nacionālais karogs pazuda, un himnu vairs neatskaņoja. ‘Так же, как в советское время, запретили праздновать день провозглашения Латвийской республики 18 ноября. Национальный флаг исчез, и гимн больше не звучал.’ (167)

88: Radio mājas un citu namu fasādes bija krāšņi izrotātas ar Lielvācijas un sarkanbaltsarkanajiem karogiem. ‘Фасады Дома радио и других домов были пышно украшены немецкими и красно-бело-красными флагами.’ (168)

90: Ar 1943. gadu oficiālās runās šad tad bija dzirdams vārds Latvija un ielās atkal parādījās sarkanbaltsarkanais karogs. ‘С 1943 года в официальных речах изредка стало звучать слово «Латвия» и на улицах опять появился красно-бело-красный флаг.’ (169)

Если в примерах (167)-(169) можно считать именную группу определённой в связи с повторным упоминанием объекта, то пример (166) не вызывает сомнений¹⁴.

Видимо, определённая подобными именными группами связана с уникальностью флага как государственного символа (имеется в виду, конечно же, не каждый конкретный флаг, а образец флага, особый у каждого государства). Прилагательное, характеризующее слово «флаг», благодаря определённости сразу же даёт понять адресату сообщения, что речь идёт о государственном флаге.

Ассоциативное употребление

В тексте очень часто встречались случаи так называемого ассоциативного, или связующего перекрёстного (bridging cross-reference) употребления, которое К. Лайонз считает комбинацией употребления, основанного на общих знаниях, и анафорического. Он приводит следующий пример: *I had to get a taxi from the station. On the way the driver told me there was a bus strike* ‘Мне пришлось взять такси от вокзала. По дороге водитель рассказал мне, что автобусы не ходят в связи с забастовкой’. Именная группа *a taxi* появляется в первый раз, поэтому она неопределённая и сопровождается неопределённым артиклем *a*. Во втором предложении именная группа *the driver* уже является определённой: водитель до этого не упоминался, но упоминалось такси, а из общих знаний о мире нам известно, что в такси есть водитель. По утверждению К. Лайонза, упоминание такси вызывает в воображении слушателя всё, что связано с этим явлением (например, мотор, колёса, плата за

¹⁴ Прилагательные, описывающие немецкий флаг в примере (166), в данном случае не принимаются во внимание, поскольку невозможно сказать, являются ли они определёнными в связи с рассматриваемым явлением, или благодаря позиции в посессивной конструкции, или из-за субстантивации.

проезд и т. д.), поэтому далее любой такой элемент можно назвать с помощью определённой именной группы [Lyons 1999: 3]. Ср. о том же явлении упоминание в [Падучева 1985: 88] с отсылкой к [Падучева 1965].

На наш взгляд, именно этот случай представлен в примере, приведённом в грамматике в разделе о прилагательных после генитива принадлежности [MLLVG I: 437]: *Agnese apskatīja mazredzētās krustmātes seju. Slaidi ieliektais, pagarais deguns tiecās ārā no apaļīgo vaigu sprosta un izskatījās, it kā tas censtos saost ko jaunu. Pelēkā acis dziļi iegrimušas uzpūstos plakstiņos, bet tuvu acīm uzaugušās biezās uzacis, no apakšas izravētas, izskatījās kā uzzīmēti jumtiņi* ‘Агнесе рассмотрела лицо мало виденной [ею] крестной. Стройный, длинноватый нос тянулся наружу из клетки круглых щёк, и казалось, будто он старается унюхать что-то новое. Серые глаза утонули в припухших веках, а выросшие близко к глазам густые брови, выщипанные снизу, были похожи на нарисованные уголками крыши’ (А. Саксе).

Авторы грамматики объясняют употребление здесь определённых прилагательных тем, что форма родительного падежа (в данном случае словосочетания *mazredzētās krustmātes*) «может обуславливать употребление определённого прилагательного и тогда, когда она стоит не рядом со словом, которое охарактеризовано прилагательным, а дальше от него и даже в предыдущем предложении». Такое строго формальное описание представляется натянутым. Между тем употребление здесь определённых форм прилагательных объясняется гораздо проще: именные группы, называющие отдельные черты лица, являются определёнными, поскольку речь идёт всё о том же лице, уже известном адресату сообщения: нос, щёки и т. д. принадлежат именно этому упомянутому ранее лицу, их референция устанавливается однозначно.

В тексте встретился интересный пример, который можно проанализировать с этой же точки зрения:

73: *Kā jau klājas svētkos, nometnes sargi krietni piedzērās. Šņabis atmieķšķēja nocietinātās dvēseles un atraisīja mēles.* ‘Как обычно по праздникам, лагерная охрана как следует напилась. Водка смягчила ожесточившиеся души и развязала языки.’ (170)

В первом предложении говорится об охранниках лагеря. Считается само собой разумеющимся, что у них, как у всех людей, есть души (хоть и ожесточившиеся), поэтому в следующем предложении именная группа, обозначающая эту своеобразную «часть тела», является определённой, что выражается в форме причастия *nocietinātās*. Именная группа *mēles* предположительно тоже определённая, но за неимением зависимого от вершины прилагательного точно узнать это невозможно.

Ещё несколько примеров:

106: *Tā nu bija jātup lazaretēs puzemnīcā un līdz apstulbumam jāskatās izbalsinātajās sienās.* ‘Так что приходилось сидеть в полуземлянке, где располагался лазарет, и до остолбенения смотреть на выбеленные стены.’ (172)

Лазарет упоминается здесь далеко не в первый раз, однако о его стенах до этого ничего не говорилось. Тем не менее, ясно, что в подобном контексте единственные стены, о которых может идти речь, — стены лазарета.

113: No upes krasta līdz sādžai bija astoņi kilometri, un ... tādu gaisa gabalu noiet viņa nespēja. Vedējs bija labsirdīgs krievu zemnieks, kas ļāva viņai uztrausties uz sa grabējušajiem ratiem... ‘От берега реки до деревни было восемь километров, и ... такое большое расстояние она пройти не могла. Возничий был добрый русский крестьянин, позволивший ей вскарабкаться на ветхую телегу.’ (173)

Как только в тексте появляется возничий, читатель может ожидать упоминания транспортного средства — так оно и происходит, и обозначающая его именная группа становится определённой.

Но сфера явлений и предметов, которые может вызывать в воображении упоминание чего-либо, бывает и гораздо шире. Ср. следующие примеры:

97: Kādu vakaru oktobra beigās, kad vīri «Ceplīšu» kūtsaugšā pēc pirts bija iekārtojušies uz gulēšanu, ārā atskanēja šāvieni. Kūti bija ielenkuši čekisti. Nevilcinoties ne brīdi, Aleksandrs izlēca pa kūts siena lūku. Nokrita, apmeta kūleni un, līku loču cilpojot, metās uz tuvējā mežiņa pusi. Apkārt spindza lodes, taču vectēvs skrēja kā vājrātīgs. Baltajā apakšveļā viņš bija labs mērķis... ‘Однажды вечером в конце октября, когда мужчины в «Цеплитес» после бани расположились на сон на сеновале над хлевом, на улице раздались выстрелы. Хлев окружили чекисты. Ни секунды не колеблясь, Александрс выпрыгнул через отверстие для сена в стене хлева. Упал, кувыркнулся и петляя бросился в сторону ближнего леса. Вокруг свистели пули, однако дедушка бежал, как сумасшедший. В белом нижнем белье он был хорошей целью...’ (174)

Определённость именной группы *baltajā apakšveļā* связана, видимо, с упоминанием о том, что перед началом перестрелки мужчины легли спать, из чего можно заключить, что они сняли одежду и остались в нижнем белье.

117: Šajā postā Ligitu sildīja iekšēja gaisma, jo viņu bija piemeklējis mīlestības brīnums. Pirmoreiz jauno, stulto vīrieti viņa bija ievērojusi jau uz baržas ceļā no Novosibirskas uz Lielo Čigasu. ‘В этой разрухе Лигиту согрел внутренний свет, так как её постигло чудо любви. Молодого, стройного мужчину она впервые заметила уже на барже по дороге из Новосибирска в Большой Чигас.’ (175)

После сообщения о посетившем героиню чувстве любви портрет молодого человека даётся с помощью прилагательных в определённой форме. Таким образом автор сигнализирует о том, что описываемый мужчина и есть тот, кто вызвал чувство в героине.

124: Pavasaris atnesa sen gaidīto prieka ziņu. «Karš beidzies! Karš beidzies!» — izdzirdēja Emilija. Viņa paskatījās pa logu un ieraudzīja, ka, paceltās rokas vicinādams un smieklīgi palēkdami, izsūfītais vācietis Kaufmanis, saukts par Kaufīti, ģeratoja pāri pussniegotajam, peļķainajam laukam un kļiedza atkal un atkal. ‘Весна принесла давно ожидаемую радостную весть. «Война кончилась! Война кончилась!» — услышала Эмилия. Она посмотрела в окно и увидела, как, размахивая поднятыми руками и смешно подпрыгивая, ссыльный немец Кауфманис по прозвищу Кауфитис бежит по полузаснеженному, заболоченному полю и кричит снова и снова.’ (176)

Именная группа *paceltās rokas* ‘поднятые руки’ появляется раньше, чем становится ясно, кому принадлежат эти руки, однако эта именная группа определённая. Объяснить это можно следующим образом. Узнавая о событиях в том же порядке, в каком их воспринимает героиня, мы вначале читаем о крике, но не знаем, кто кричит. В следующем предложении подлежащее, обозначающее, собственно, автора крика, отодвинуто в середину — читатель вместе с героиней вначале видит движущуюся фигуру человека и лишь затем получает какую-то информацию о нём (а героиня, видимо, узнает его, когда он подходит ближе). Но именные группы, задействованные в его описании, являются определёнными — таким образом автор даёт понять, что это и есть тот, кто кричал об окончании войны.

87: *Okupācija* ir nenormāla situācija. Tās sekas vēl gadu desmitiem plosa atbrīvotās valsts cilvēkus, un «pareizie» vaino «nepareizos» piedzīvotajās *nelaimēs* un *pastrādātajos noziegumos*. ‘Оккупация — это ненормальная ситуация. Её последствия в течение ещё десятков лет раздирают жителей освобождённого государства, и «правильные» винят «неправильных» в пережитых бедах и совершенных преступлениях.’ (177)

Здесь прилагательные *piedzīvotajās* и *pastrādātajos* соотносятся со словом *okupācija* в первом предложении, поскольку подразумеваются несчастья и преступления, имевшие место во время оккупации и вызванные ею. Государство (любое государство как представитель класса) в ближайшем контексте не названо непосредственно, но при первом его упоминании сразу используется определённая именная группа, поскольку ясно, что оккупация вообще происходит в каком-то государстве.

Ассоциация, позволяющая использовать определённую именную группу, может базироваться на подразумеваемом **последствии** названного действия или явления. Ср.:

80: Vēlāk, kad dziļāk sāku domāt par lietu kopsakarībām, tad atklātā negatīvā *patiesība* par padomju varas būtību vairs neapdraudēja manas personības viengabalainību. ‘Позже, когда я начала глубже задумываться о различных совпадениях, открытая неприятная правда о сущности советской власти уже не угрожала цельности моей личности.’ (178)

Именная группа *atklātā negatīvā patiesība* является определённой, поскольку правда открылась героине именно в результате упомянутых в первой части предложения глубоких раздумий. Семантическое содержание определённости в данном случае можно было бы выразить лексически, «вывести на поверхность», перефразировав предложение, например, так: «Позже я начала глубже задумываться о различных совпадениях, и тогда мне открылась неприятная правда о сущности советской власти, однако это уже не угрожало цельности моей личности». Употребление определённых форм прилагательных здесь способствует ёмкости и динамичности повествования.

Достаточно сложна связь определённости с **тема-рематической организацией предложения**. О разных вариантах реализации этой связи в языках мира см. [Lyons 1999: 227–236]. Нельзя однозначно утверждать, что тема как отправная точка сообщения и нечто, уже имеющееся в сознании

участников коммуникативного акта, всегда должна выражаться определённой именной группой, а рема как новая информация — неопределённой. Что касается проанализированного материала, была замечена следующая чисто формальная закономерность. В тех случаях, когда подлежащее стояло после сказуемого (то есть, возможно, являлось не темой, что для него более свойственно, а ремой), оно чаще всего выражалось неопределённой именной группой, то есть характеризующее его прилагательное стояло в неопределённой форме. Несколько примеров:

46: *Gar vagoniem skrēja noskranduši, vāji bērni un diedelēja maizi.* ‘Вдоль вагонов бегали оборванные, худые дети и выпрашивали хлеб.’ (179)

88: *Kamēr puikas bikstījās un grūstījās, atskanēja spēcīgs blīkšķis.* ‘Когда мальчишки толкались и пихались, раздался сильный хлопок.’ (180)

97: *Bija vēls rudens, un bija gaidāma auksta ziema.* ‘Была поздняя осень, и ожидалась холодная зима.’ (181)

Хотя встретились и случаи, когда подлежащее в такой позиции обозначало нечто, что ранее упоминалось, и тогда характеризующие его прилагательные имели определённые окончания, например:

72: *...slimību un nāves tiešais cēlonis bija necilvēciskie dzīves apstākļi, bads un tā izraisītā distrofija, avitaminoze un smagais, pārcilvēciskais darbs.* ‘...непосредственной причиной болезней и смерти были нечеловеческие условия жизни, голод и вызванная им дистрофия, авитаминоз и тяжёлый, сверхчеловеческий труд.’ (182)

91: *Kad tas būs izdarīts, tad Reiha vadībai būs jāpilda leģionāriem dotais solījums par Latvijas valsts atjaunošanu.* ‘Когда это будет сделано, правительству Рейха придётся выполнить данное легионерам обещание о восстановлении латвийского государства.’ (183)

Усилительная функция

Определённые окончания прилагательных в латышском языке могут не только указывать на связь именной группы с референтом, но и просто усиливать выражаемое прилагательным свойство (ср. «усилительную функцию» А. Валецкене). Наиболее явно усилительная функция определённых форм прилагательных проявляется в употреблении прилагательного *īsts* ‘настоящий’. Оно часто несёт большую эмоциональную нагрузку, подчёркивает какой-либо контраст, например между предполагаемым и действительным и т. п., и в этой роли часто употребляется с определённым окончанием.

Примеры:

67: *Ligita saprata, ka nu ir pienācis īstais brīdis izlīgt ar tēvu...* ‘Лигита поняла, что подошёл подходящий момент помириться с отцом...’ (184)

104: «...vai citas mātes tāpat domā, ka vainīgi ir viņu dēli, brāļi un vīri, jeb viņas domā citus, īstos vainīgos!» ‘«...считают ли и другие матери, что виноваты их сыновья, братья и мужья, или они думают о других, о настоящих виновных!» (185)

114: *Mana mamma ar pateicību piemin šos cilvēkus [izsūtītos no metinājumā], kas savā nabadzībā dalījās ar latviešu izsūtītajiem vairāk nekā īstie vietējie...* ‘Моя мама с

благодарностью вспоминает этих людей [ссылных на поселении], которые в своей нищете делились со ссылкойми латышами больше, чем сами местные...'(186)

Очевидно, к усилительным можно отнести и «постоянные эпитеты», как, например, в этой случае:

28: Pēdējie brīvās Latvijas novadu Dziesmu svētki, kas bija iecerēti, lai suminātu zīlo ezeru zemes skaistumu... 'Последний Праздник песни латышского края, задуманный для того, чтобы чествовать красоту земли голубых озёр...' (187)

Заключение

В ходе данного исследования обработаны и дополнены имеющиеся в грамматических описаниях латышского языка сведения об употреблении определённых и неопределённых форм прилагательных и выявлены некоторые факты, до сих пор ни разу не описанные. Немаловажным представляется тот факт, что впервые наряду с прилагательными проанализированы и причастия в атрибутивной функции с точки зрения выбора типа окончания.

В первую очередь, введено противопоставление автоматических правил выбора того или иного типа окончания и закономерностей, действующих в отсутствие этих правил, когда выбранный тип окончания несёт семантическую нагрузку.

Список автоматических правил, составленный на основе данных [MLLVG I], [Kalme, Smiltniece 2001] и [Nītiņa 2001], уточнён и дополнен сведениями, полученными в процессе анализа выбранного текста. Эти правила сгруппированы не формально, как делалось ранее, а на основании тех процессов и закономерностей в языковых единицах, которые связаны с референцией — ср. раздел о посессивных конструкциях и др.

Различия в употреблении местоимения *viss* с некоторыми категориями существительных (исчисляемые / неисчисляемые и т. п.) обосновываются теоретически с помощью одной из теорий, объясняющих феномен определённости, — теории уникальности.

Впервые сказано о функционировании в посессивных конструкциях указательного местоимения *tas* как заместителя неодушевлённых существительных по аналогии с личным местоимением *viņš*, которое замещает одушевлённые существительные. Проанализировано влияние этих местоимений, обозначающих субъект действия при глаголе в страдательном залоге, на окончание причастия (причастие становится определённым), отличающееся от влияния выполняющих эту функцию существительных (существительные в роли субъекта действия при глаголе в страдательном залоге никак не влияют на окончание причастия, выбор окончания определяется прочими правилами).

Замечена и более широкая закономерность: любое прилагательное или причастие, имеющее в качестве зависимого слова указательное или личное местоимение, будет определённым.

В тексте имеется наглядная иллюстрация указанного в [MLLVG I: 456] факта: правило об определённости прилагательного и причастия в посессивной конструкции утвердилось лишь несколько десятилетий назад, и в документах середины века можно встретить нарушения этого правила. Выдвинута гипотеза о том, что этому правилу по-прежнему не подчиняются посессивные конструкции, в которых главным словом является отглагольное существительное на *-šana*.

Дополнен список вариантов реализации именной группы с предлогом *no* в разделительном значении: помимо упомянутых в грамматических описаниях *viens*, *dažs* и *kāds* главным словом в такой именной группе могут выступать неопределённые местоимения *kaut kas* и *nekas*.

Замечено интересное явление, связанное с превосходной степенью причастия: иногда превосходство может выражаться в зависимом от причастия наречии, при этом причастие перенимает от наречия это свойство и стоит в определённой форме. Стоит также отметить, что часто в тексте встречается форма сравнительной степени, имеющая определённое окончание, «навязанное» ей каким-либо определённым детерминантом либо иными условиями, требующими определённого окончания, — в этом случае она омонимична форме превосходной степени.

Впервые замечено, что к определённым детерминантам относятся порядковые числительные, являющиеся ингерентно определёнными. То же можно сказать о других ингерентно определённых прилагательных и причастиях — например, о перечисленных в соответствующем разделе прилагательных и причастиях, всегда употребляющихся с определённым окончанием, ср.:

90: ...lai koncentrētu spēkus nākamajam uzvarošajam triecienam... ‘...чтобы сконцентрировать силы для последующего победного удара...’ (188)

96: Vienīgā drošā vieta bija mežs. ‘Единственным надёжным местом был лес.’ (189)

Составлен список прилагательных, которые даны в словаре в неопределённой форме, однако в речи употребляются гораздо чаще в определённой форме (большинство из них — прилагательные с исходом на *-ējs*, кроме этого это причастия *bijis* и *esošs*).

Отмечено, что некоторые местоимения могут «выноситься за скобки», то есть употребляться только при первом из нескольких однородных прилагательных, действуя при этом и на последующие в отношении определённости или неопределённости именной группы.

Удалось прояснить противоречиво описанные в грамматике условия употребления определённого и неопределённого прилагательного после местоимения *nekāds*: когда оно относится к сказуемому и именная группа сказуемого стоит в родительном падеже, стоящее за ним прилагательное имеет неопределённое окончание, а когда оно относится к определению, характеризующему сказуемое, и именная группа сказуемого стоит в именительном падеже, прилагательное определённое.

Сделана попытка объяснить причины употребления неопределённого прилагательного после указательных местоимений *šāds* и *tāds*. Кроме того, описаны нигде более не упомянутые случаи именных групп, содержащих относительное местоимение *kāds* и словосочетание *šāds tāds*.

Впервые сказано об употреблении неопределённых прилагательных с различными модификаторами, присваивающими качеству, обозначенному прилагательным, неопределённую степень выраженности (в имеющихся грамматических описаниях упоминаются только слова *jo*, *it(in)* и *tik*).

Замечено, что неопределённые прилагательные употребляются не только в роли именной части сказуемого и определения к именной части сказуемого, но и в качестве определения к такому определению.

Уточнены условия употребления неопределённого прилагательного в именной группе обстоятельства образа действия.

Описано и объяснено употребление неопределённых прилагательных после инфинитива.

Оговорено употребление прилагательных в качестве обособленных определений, стоящих перед определяемым словом (в грамматике упоминаются только обособленные определения после определяемого слова).

Впервые описаны конструкции со значением размера, в которых, как правило, употребляется неопределённое прилагательное.

Выявлена иерархия автоматических правил: в ситуации, когда наличествуют два детерминанта, определённый и неопределённый, большее воздействие на прилагательное оказывает определённый детерминант. Иными словами, если есть условие для употребления определённого окончания (то есть определённая референция), то именно такое окончание будет употреблено, независимо от того, есть ли в той же именной группе какие-то условия для употребления неопределённого окончания. Например, если после неопределённого местоимения *kāds* стоит субстантивированное прилагательное или причастие, оно будет иметь определённое окончание:

19: ...ja kādam pieaugušajam bija laiks iet līdzī... ‘...если у какого-нибудь взрослого было время, чтобы пойти вместе с ним...’ (190)

67: Kādam ieslodzītājam bija izdevies... ‘Какому-то заключённому удалось...’ (191)

116: ...pārvācās uz mazu kūtiņu, ko kāda vietējā piekrita izīrēt. ‘...перебрались в небольшой хлев, который какая-то местная согласилась сдавать.’ (192)

Подобных примеров на другие пары правил в тексте множество. Единственным исключением являются конструкции с неопределёнными местоимениями типа *kaut ko ēdamu*.

С другой стороны, встречаются и случаи, когда, напротив, именная группа подчиняется сразу нескольким правилам, требующим одного и того же типа окончания, однако обычно лишь одно из них реально определяет выбор окончания. Первичным правилом является то, которое связано с морфологическими особенностями слова. Если та же именная группа участвует в каких-либо синтаксических отношениях, требующих того или иного типа окончания, этим можно пренебречь. Окончание прилагательного в таких случаях подсознательно выбрано говорящим ещё до того, как именная группа была включена в предложение и приобрела синтаксические связи.

В работе более полно по сравнению с имеющимися грамматическими описаниями проанализированы условия, необходимые для того, чтобы предмет ощущался говорящим как «известный, знакомый» или «неизвестный, незнакомый». Помимо простого упоминания в предшествующем тексте это может быть:

- упоминание объекта, части которого далее могут обозначаться определённой именной группой (например, лицо и его черты);
- упоминание явления или процесса, захватывающего круг каких-либо действий, последствий, лиц, неизбежно занятых в этом явлении или процессе — все они далее могут также обозначаться определённой именной группой (примеры (175), (177));
- упоминание, даже первое, каких-либо исторических фактов, общеизвестных закономерностей, имеющих, по предположению говорящего, antecedent в сознании адресата сообщения (примеры (164), (165)).

При этом в художественном тексте, где автор представляет действие с нескольких точек зрения, принадлежащих разным персонажам, он может пользоваться неопределённой именной группой, говоря об упомянутом ранее объекте, чтобы подчеркнуть новизну этого объекта для того персонажа, который в данный момент является субъектом действия (примеры (162), (163)).

Употребление определённой именной группы иногда позволяет сделать текст более ёмким, избавляя говорящего от необходимости выражать словами логические связи, поскольку определённость именной группы даёт сигнал адресату восстановить эти связи самостоятельно (пример (178)).

Таким образом, языковые и художественные возможности, которые даёт наличие двух парадигм прилагательных в латышском языке, несравнимо шире, чем просто отражение того, упоминается ли предмет впервые или повторно. Эти возможности практически не изучены и представляют большой интерес и перспективное поле работы для исследователей.

Что же касается автоматических правил выбора окончания прилагательного, возможным вариантом дальнейшего развития этой темы мог бы стать, например, анализ находящегося сейчас в стадии разработки устного корпуса латышского языка. Интересно было бы выяснить, все ли правила, считающиеся автоматическими, соблюдаются носителями языка в спонтанной речи.

Литература

- Кронгауз 2001 — Кронгауз М. А. Семантика. Москва, 2001.
- Падучева 1965 — Падучева Е. В. О структуре абзаца // Труды по знаковым системам, 2. Тарту, 1965. — 284–292. (Учён. зап. Тарт. ун-та; Вып. 181).
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Москва, 1985.
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Москва, 2003.
- ЯМ 2006 — Языки мира: Балтийские языки / РАН. М., 2006.
- Christophersen 1939 — Christophersen P. The articles. A study of their theory and use in English. Copenhagen, 1939.
- DLKG 2005 — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika / Ats. red. V. Ambrazas. Vilnius, 2005.
- Hawkins 1978 — Hawkins J. A. Definiteness and Indefiniteness. A study in reference and grammaticality prediction. London, 1978.
- Holvoet 2006 — Хольфут А. и Тамулёнене А. Apibrėžtumo kategorija // Daiktavardinio junginio tyrimai / Axel Holvoet, Rolandas Mikulskas (red.). Vilnius, 2006. — 11–32.
- Kalme, Smiltiece 2001 — Kalme V., Smiltiece G. Latviešu literārās valodas vārdarināšana un morfoloģija. Lokāmās vārdšķiras: Mācību grāmata. Liepāja, 2001.
- Lyons 1999 — Lyons Ch. Definiteness. Cambridge, 1999.
- LVPK 1997 — Ceplīte B., Ceplītis L. Latviešu valodas praktiskā gramatika. Rīga, 1997.
- MLLVG I — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Rīga, 1959. I. sējums.
- Nītiņa 2001 — Nītiņa D. Latviešu valodas morfoloģija (konspektīvs lokāmo vārdšķiru apskats). Rīga, 2001.
- Valeckienē 1986 — Valeckienē A. Apibrėžtumo / neapibrėžtumo kategorija ir pirminė įvardžiutinių būdvardžių reikšmė // Lietuvių kalbos sintaksės tyrinėjimai. Vilnius, 1986.

Справочная литература:

- KLLKV — Krievu-latviešu, latviešu-krievu vārdnīca. Sast. Plēsuma A., Duhova E., Saveļjeva J., Ķirīte M. Rīga, 2000.
- LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca. 8 sēj. Rīga, 1972–1996 (использовался электронный вариант: <http://www.tezaurs.lv/llvv/>)

Материал:

- Kalniete 2008 — Kalniete S. Ar balles korpēm Sibīrijas sniegos. Rīga, 2008.